

Ксения Комарова

КОЛЮЧКА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ксения Александровна Комарова

Колючка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31736342

SelfPub; 2018

Аннотация

В королевстве Гац разрешено творить магию только мужчинам, служащим в армии и полиции. Поэтому юная Рина, единственная в мире девушка-маг, решается на отчаянный шаг: она превращается в юношу и идет на королевскую службу. Укрытие надежное, но как быть с собственным сердцем, которое начинает биться быстрее, когда рядом отказывается симпатичный капитан полиции? А тут еще и неизвестный маг открыл охоту на собратьев, отнимая у них дар и вместе с ним жизнь. Начинается опасная игра, призом в которой будет любовь и раскрытие одной старой тайны, которая навсегда может изменить жизнь мирного королевства. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	42
Глава 4	78
Глава 5	100
Глава 6	137
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Глава 1

До восхода луны Тои оставалось совсем мало времени. Окружающий лес медленно погружался во тьму. Я быстро шла к опушке, стараясь не наступать на ядовитые грибы-скользевики, которых к зиме становилось видимо-невидимо. За моей спиной покачивались четыре вязанки хвороста. Короткий топорик я держала в левой руке, а в правой копила заклинание удара. Я знала, что впереди засада.

Подходя к опушке, я сбавила шаг и спряталась за дерево. В зарослях орешника мелькнула едва заметная глазу тень. Я прыгнула ей навстречу, выставив руку вперед, и мимо меня с визгом пробежал испуганный подсвинок. Свист синиц смолк, лесные жители затаились. Я в растерянности огляделась. Тех, кого я ждала, не было в орешнике. Их не было и на соседней поляне, и за корягой у Синего ручья.

Обычно на выходе из леса меня поджидали мальчишки – Брол с Лисьих ямок и Гарана, сын старого пасечника Юмида. Летом от скуки они забредали в чащу, и я намучилась их там искать. Тогда они выдумали новую игру: караулили меня на опушке и обстреливали репейником. Эта игра нравилась и мне, и им. Иногда я поддавалась и уходила из леса вся в колючках, иногда опрокидывала их ударом. Не простым – особенным, магическим. Он попадал точно в цель, но не давал ушибиться при падении. Волна воздуха совершала нырок и

становилась подушкой для того, кого только что сбила.

Этот удар я придумала сама. Если бы отец узнал, что я колдую, он высек бы меня сыромятным ремнем. Но Бролу и Гаране я могла доверять. Я знала, что они меня не выдадут, как не выдала их я: не рассказала родителям, что они отлучаются в лес. Я была их стражем и проводником, учила читать следы зверей, находить ягодные поляны, различать птиц по голосам. Когда-нибудь они смогут стать охотниками, если захотят. Лишь бы только не решились ловить саламандр.

И вот мальчишек не было, не было нигде! Сегодня они не пришли. Если бы они побывали здесь, подсвинок не задремал бы в орешнике. Мое сердце наполнилось тревогой. Я прибавила шагу и поспешила к дому: оставлю хворост и побегу на пасеку разыскивать Гарану. Дорога размокла от осенних дождей, на обочине желтели сорные травы. Бурые листья плавали в холодных лужах. Чувство, что случилась беда, нарастало. Я бросила вязанки на обочину и рванула напрямик, через пустошь, срезая угол. Но когда я минула околицу, мне стало не до Брола с Гараной.

Мой дом стоял на краю нашей деревни Пучуги, чуть скрытый яблоневым садом. У забора жевала лист лопуха чужая лошадь. Трензель мешал ей, изо рта валилась густая зеленая пена. При виде меня лошадь фыркнула и заплясала на месте, словно увидела вдалеке стаю собак. Гостей мы не ждали, отец везде и всегда ездил сам, встречался с покупателями подальше от дома. Да и ни у кого из окрестных жителей

не могло быть такой лошади – с тонкими ногами, лебединой шеей, под дорогим арамакским седлом.

Я перемахнула через забор и рывком открыла заднюю дверь. Из глубины дома раздался звук удара, с которым тело падает на пол, потом я услышала стон. Отец! От страха я едва двигалась. Мне казалось, что я не бегу – ползу. Вот разгромленные сени, затем кухня – стол перевернут, горшки с маслом разбиты, сорванные занавески клочьями свисают с подоконника. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Скорее, Рина, скорее! Комната, еще комната. Поскользнувшись, я неловко влетела в летний пристрой, где сушились травы. На полу лежал отец, его лицо было мертвенно бледным. Над ним склонился неизвестный в черном плаще. В его руке блеснул кинжал, занесенный для удара.

Я хотела крикнуть, но не было голоса. Стало нечем дышать, ноги не слушались. Я попыталась встать, и в этот момент незнакомец ударил отца кинжалом в сердце. С моей ладони само собой сорвалось закливание удара. Волна воздуха толкнула убийцу в грудь с такой силой, что он отлетел к стене и проломил ее. Мой крик и треск ломающихся досок слились воедино. Убийца скрылся в облаке пыли, заваленный обломками стены.

Я бросилась к отцу, уже понимая, что опоздала, что он мертв, но поверить в это было невозможно. Я должна спасти его, хотя бы попытаться! Кинжал все еще находился в теле, и я схватилась за рукоять, чтобы вытащить его. Внезапно

острая боль пронзила пальцы. Я попыталась их разжать, но ничего не вышло – кинжал держал меня крепче медвежьего капкана. Что-то горячее, ослепительно белое полилось по венам, заставляя вспыхнуть внутренний огонь – тот, что я скрывала. Перед глазами возник яркий шар света, он рос, ширился, поглощал меня. Я старалась удержать огонь внутри, не дать ему вырваться на свободу, но сил не хватило, и я вспыхнула. Я превратилась в костер.

Когда я очнулась, то обнаружила, что сижу на чем-то мягком. Остро пахло гарью, и сделав глубокий вдох, я закашлялась. Вокруг витал пепел. Я сидела на обугленных останках своего дома, не тронутая огнем. Даже одежда осталась цела. Темное небо смотрело на меня тысячью ярких звезд. Луна Тои – богини-старухи – ехидно щерилась из-за дальних сосен за околицей. Вокруг пепелища стояли все, кого я знала: семья Барсуков с выселок, пасечник Юмид и трясущийся от ужаса Гарана, Брол и его мать, пряха Эйла, черный Верг с женой, братья-охотники Луй и Назима. Пришли и мои подруги – Ульда, Родана и Кобби. Вечно смеющиеся и такие красивые, сейчас они молчали, опустив глаза. Справа от них я увидела Тильда, моего любимого Тильда. В руках он сжимал рыбацкое нож-копье, которым добивают сома, вытянутого сетями. В глазах его читался тот же вопрос, что и у остальных: как они столько лет прожили бок о бок с чудовищем и не знали об этом. Прости, отец. Теперь наш секрет известен всем. Я владею магией, я способна сжечь Пичугу

дотла, едва лишь этого пожелав.

Я встала, и толпа отшатнулась. Зашипели угли, на которые упали первые капли начинающегося дождя.

– Что здесь случилось? – спросила я одноглазого Щена, старосту нашей деревни. Он всегда был добр ко мне.

– Это я у тебя хотел спросить, дочка, – тихо и осторожно сказал Щен. – Ты полыхала, как сотня саламандр.

Я огляделась кругом. Ближайший к нам дом пострадал от огня – стена и часть крыши почернели, но благодаря дождям и сырости, что уже две недели царили в округе, пламени не удалось перебраться дальше, и его успели погасить.

– Где Кер? – спросила козлятница Сара.

Кер – это мой отец. Был.

Я проглотила подступавшие слезы и ответила:

– Он мертв. Его убил чужак. Он приехал сюда на гнедой лошади. Вы видели его?

– Видели, – неуверенным голосом сказал Щен, тесня остальных подальше от меня. – Как у вас тут загорелось, я первый прибежал. Мужик этот валялся во дворе, под досками. Я хотел его вытащить, а он меня отпихнул, сел на коня и ускакал.

– Куда? – хрипло спросила я.

– К Ленточке.

Ленточка – быстрая горная речка, впадавшая в большую, полноводную Ленту, огибала Пичугу с южной стороны и уходила в лиственный лес, который мы называли Полным в уро-

жайные годы и Пустым, когда начиналась бескормица.

Я стряхнула пепел и направилась к Полному лесу. Толпа расступилась, давая мне пройти. Мне казалось, я иду по веревке над пропастью. Ни одного доброго взгляда, ни одного прощального жеста. Тильд стиснул челюсти, и его тонкие, ловкие пальцы на древке нож-копья казались такими же светлыми, как Луна Тои. Я прошла мимо него, все еще надеясь, что он схватит меня за плечо, остановит. Но он не сделал этого, только нахмурил брови и прижал к груди оружие.

Прощай, Тильд! Ты так и не узнал о моей любви к тебе. Я ждала от тебя венка к празднику Таи – богини-матери, благословляющей браки. Думала, ты назовешь меня своей невестой. Но ты не выбрал меня – ты никого не выбрал, сплетя венок из лазоревого пустоцвета. Ходил слух, что ты собираешься уйти из Пичуги, наняться матросом в порту Сардины. Я бы ушла с тобой. Босиком, но ушла. Мое желание сбылось, как будто его исполнил дух Драконьих гор: обманул, перепутав слова. Мне, мой любимый Тильд, предстоит дорога. И известно лишь благим богиням, что выпадет тебе!

Спиной я чувствовала взгляды. Они леденили сильнее, чем выюга в первые дни зимы. Было так тихо, что я слышала, как мои охотничьи ботинки сминают поникшую траву. Когда я достигла берегов Ленточки, сил держаться не осталось. Я рухнула на землю и дала волю слезам. Они текли, горячие, и обжигали кожу. Чем сильнее была боль, тем ярче вспыхивал огонь на дне моей души. Но больше я не позволю ему

мною овладеть.

Я вытерла слезы и встала. Отца не вернуть, и домой дороги нет. Все, кого я любила, с кем делила радость и горе, остались в прошлом. Отец предупреждал, что так оно и будет, если я стану магом. У мага не бывает друзей. У него нет семьи, близких, ждущих его у очага с миской гречишного супа. Маг всегда один – опасный для других и себя. Но отец говорил, что истинную магию я обрету в день своего восемнадцатилетия – в канун встречи трех лун на Пороге года. Тогда я смогу выбрать путь: принять магию и стать изгоем или отвергнуть ее и жить, как обычные люди. Полюбить хорошего человека, растить детей, заботиться о доме.

Я посмотрела на холодные воды Ленточки, которые несли сломленные недавней бурей ветви деревьев. Магия решила все за меня: она вырвалась из глубин души и спалила мою жизнь, превратила ее в пепелище. Теперь остается одно: найти того, кто хладнокровно расправится с отцом, и убить его. Магией или ножом – все равно. Он забрал у меня самое дорогое, и я этого так не оставлю.

Догнать его будет нелегким делом. Он ушел почти сразу после боя, и у него есть верховая лошадь – сильная, резвая, наверняка очень выносливая. Форс в семь – восемь часов. Но лошади нужен отдых, а мне нет. Я буду идти по его следам, пока не нагоню.

Мои вещи сгорели в огне, у меня не было ни фляги, чтобы набрать воды, ни одеял, чтобы согреться. Как будто впер-

вые я оглядела свою одежду: ботинки крепкие, дорогу выдержат. Старые отцовские штаны годились для холодной ночёвки в лесу, а вот холщовая куртка, без меха подведет меня при первом же заморозке. Надо найти что-то более подходящее для дальней дороги.

Я оглянулась и посмотрела в сторону деревни. Можно рискнуть и под покровом ночи забраться к Ульде, попросить у нее необходимое. Она не откажет: из всех людей, которых я знала, не было никого чище и добрее ее. Но если меня заметят или она сама проговорится, что помогла мне, изгою, ей не дадут прохода. А ведь она любит Пичугу и не уйдет из нее, будет терпеть насмешки, пересуды, презрительные взгляды. Значит, к Ульде хода нет, и красть я не собираюсь. Пойду налегке.

Я хотела запустить руку в карман, чтобы проверить, нет ли там мотка веревки, и неожиданно поняла, что сжимаю в руках кинжал – тот, которым убили моего отца. Серебристый, неизвестный мне металл казался невесомым. Значит, внутри есть пустоты: такая вещь не может быть легкой, как перышко. Крепкий, гладкий и острый, кинжал напоминал коготь дракона. На нем не было ни символов, ни рун. Убийца не оставил следов. И все-таки я вспомнила нечто важное. В мгновение перед ударом он обернулся ко мне, и я увидела на его левой щеке след ожога. Такие ожоги получают ловцы саламандр, когда допускают ошибку: думают, что саламандра мертва и наклоняются к ней, чтобы подобрать с земли. Тогда

она взрывается, и ее огненные чешуйки летят прямо в лицо охотнику. Те, кто выживают, до конца жизни носят на лице память о проклятой ящерице.

Про себя я стала называть убийцу Меченый. Луна Тои скрылась в тучах, и лес погрузился в темноту. Я шла почти наугад, падала, вставала и снова падала. Наконец стало ясно, что придется ждать рассвета. Меченый мог пойти куда угодно – в Кирку, к каменоломням. Или на юг, в столицу королевства – Узор. Или в Сардину, к Бурному морю. Мне слишком мало о нем известно, но я буду знать больше, когда увижу следы копыт его лошади.

Я раскрыла ладонь и зажгла на ней крохотное пламя. Ох и возмутился бы сейчас отец! Увидев однажды, как я играю с огнем, он вышел из себя и кричал, что я погублю нас обоих. Теперь некому призвать меня к порядку. Мысли об отце заставили меня захлебнуться горечью. Воспоминания одно за другим вспыхивали в голове.

Он был лучшим из отцов – пусть и не родным. Бежал из столицы, оставив там прошлую жизнь. Кем он был и чем занимался, он не рассказывал. На все мои вопросы отмахивался: мол, не важно, что случилось вчера, гораздо важнее, что есть теперь. Зимний голод заставил его держаться ближе к горам, где можно добыть саламандр и обогатиться. И он был прекрасным ловцом, пока однажды не нашел в пещере одинокую плачущую девочку – меня. Как я попала в пещеру и кто мои родители, я не помнила. Моя жизнь началась с того

момента, как он меня нашел. Отец говорил, что я дочь дракона и человека, но я не верила ему. Иногда просто знаешь: нет, это не так, это не правда. Отец пожимал плечами и просил не искать ответов, чтобы не накликать беду.

Когда у него появилась я, он больше не мог себе позволить скитаться в предгорьях и осел в Пичуге. Выстроил дом, стал добывать кабанов, оленей, научился дубить шкуры. На саламандр больше никогда не охотился. Мы вместе с ним проводили целые дни в лесу, где он рассказывал мне про каждый кустик, каждую травинку, учил тому, что важно для выживания в одиночку. Только магии не учил, запрещал даже думать о ней, но сам пользовался. Нередко я замечала, что посылая стрелу в оленя, он накладывает на древко заклинание меткости. И стрела летела без промаха. Я тоже так умела.

Сколько мне точно лет, отец не знал. Я росла быстрее других детей, умела больше, чувствовала лучше. Когда я у него спросила, как я пойму, когда наступит день моего восемнадцатилетия, отец рассмеялся и сказал, что такое не пропустишь. Велел ждать Порога года – перед ним силы земли крепнут, чтобы запустить колесо времени. Завороженная его смехом – он так редко смеялся – я не рискнула расспрашивать дальше, ничего толком не поняла. Возможно, именно сегодня мне исполнилось восемнадцать, когда я сжигала наш дом силой магии и горя.

И еще отец говорил, что никогда прежде на земле не рождалась женщина-маг. Все, кто обладал даром, были мужчи-

нами: от великого чародея Жойга Долинного до придворного мага короля Септимия Водного. Об этом же писали и в книгах, которые отец привозил мне с каждой ярмарки. Один из авторов, почтенный профессор Ней Ловигун, утверждал, что магия зарождается в мужской железе, потому женщины и не способны ее творить. Когда я прочитала этот фрагмент отцу, он хохотал так, что за печкой упал ухват, прихватив с собой недосохшие полотенца.

Отец. Как же мне без тебя? Зачем?

Но будь уверен, Меченый дорого заплатит за то, что отнял твою жизнь. Я не успокоюсь, пока не найду его – на земле или на море, в Хрустальных чертогах богинь или в Преисподней.

Пламя на ладони дало мне достаточно света, чтобы отыскать несколько поваленных деревьев и хворост для розжига костра. Сырое дерево с неохотой загорелось, и мне наконец-то стало тепло. От ботинок валил пар. Где-то далеко ухала сова. Я сидела на бревне до самого рассвета. Спать не получалось, хотя утренний морок путал мысли. Сон был предательством по отношению к отцу. Я бодрствовала, чтобы в моей памяти он не умирал.

Как только небеса побледнели, я принялась искать в лесу следы лошади. Вскоре они нашлись, и я пошла по ним, как ищейка. Меченый ехал на юг, стараясь не упускать из виду Ленточку. Разумно, учитывая, что без воды долго не протянешь. Я держала средний темп, чтобы не выдохнуться. Бессонная ночь отняла у меня много сил, и если мне предстоит

сражение, не хотелось бы проиграть его только потому, что поддалась искушению бежать.

Когда день начал клониться к закату, следы Меченого вывели меня из леса. Я оказалась возле деревни Пожарки, где по весне гудела ярмарка. Отец никогда меня не брал с собой, но много рассказывал о том, что видел, и о тех, с кем торговал. На улицах было пусто, в домах горели огни, над крышами вился дым. Мне так сильно хотелось есть, что я готова была ворваться к кому-нибудь и похитить котелок каши или краюху хлеба. Я шла мимо безликих ворот, мимо чужого, негостеприимного счастья.

У колодца виднелась харчевня «Жареный петух», в которой останавливались приезжие. Я открыла тяжелую дверь и вошла. Запах чесночного пирога заставил меня сделать лишних два шага вперед. Сидевшие за некрашеными столами крестьяне дружно обернулись в мою сторону.

– Ты кто такая? – спросил парень, одетый в кожаную жилетку поверх посконной рубахи.

– Рыжая, – усмехнулся сидевший рядом с ним толстолобый крестьянин. – Терпеть не могу рыжих.

– Я ищу кое-кого, – сказала я. – Здесь не проезжал человек на гнедой лошади? У него ожог на левой щеке.

– Допустим, проезжал, – сказал парень и отхлебнул пива. – Дальше что?

– Куда он отправился?

– Нам не доложил.

Недоверие к чужакам было мне понятно. Они приносили плохие вести, приводили с собой беду. И только в ярмарочную неделю, когда чужаков становилось много, страх исчезал, уступая место бесшабашному веселью.

– Эй, да это ж дочка Кера! – вдруг крикнул кто-то из угла.

Я пригляделась и увидела знакомое лицо – за дальним столом ел куриную ножку кузнец Кайран Везель, лет пять назад перебравшийся из Пичуги сюда, в Пожарки.

– Дядя Кайран! – воскликнула я и кинулась к нему. Он обнял меня, хотя никогда не делал этого раньше. Его огромные руки гладили меня по волосам.

– Ты чего здесь забыла, попрыгунья? – спросил он ласково.

Как хорошо, что я быстро шла – опередила тех, кто мог принести в Пожарки новости из родной деревни.

– Отца убили, – сказала я, стараясь не расплакаться. – Человек с ожогом на лице. Я иду за ним.

– А найдешь, так что сделаешь? – удивился кузнец.

– Что-что? Зарежет! – засмеялся парень в жилете. – Глянь, Кайран, какой нож с собой приволокла.

Кинжал Меченого в моей руке внезапно показался мне чем-то настолько мерзким, пачкающим тело и душу, что я чуть не бросила его в сторону.

– Девчонка не промах! – сказал крестьянин, которому не понравилась моя рыжина. – На большак он свернул, видать, в Узор поехал. Только тебе его не догнать. Он был здесь вчера,

а теперь уж где!

– Спасибо! – я кивнула ему и собиралась выйти из харчевни, но Кайран меня остановил.

– На вот, поешь, – предложил он, пододвигая в мою сторону тарелку с курятиной и разварным картофелем.

Я колебалась.

– Садись! – потребовал Кайран и силой усадил меня на лавку. Я набросилась на еду. Купец и парень в жилете одобрительно посмеивались, глядя, как я сметаю с тарелки кусок за куском. Кто-то из них сунул мне кружку пива, и я залпом выпила его, хотя до этого никогда не пробовала. Отец строго запрещал хмельное.

Внезапно я почувствовала, что внутренний огонь вот-вот прорвет барьер, за которым я его держала, и спалит харчевню. Опьянение дало магии власть надо мной, и мне пришлось спастись бегством. Я поклонилась Кайрану и крестьянину, улыбнулась парню и белкой выпрыгнула на крыльцо. Ладони горели, с них падали искры. Я добралась до перелеска, упала на колени и схватила толстый березовый сук, который вспыхнул в моих руках, как бумага. Когда он сгорел дотла, магия, насытившись, перестала рваться наружу. Что ж, я получила ценный урок. Пока не смогу полностью подчинить себе дар, надо быть осторожнее в выборе напитков.

Из перелеска я свернула на большак. Выложенный шлифованным камнем и уплотненный речным песком, он не хранил следов. Лошади Меченого большак давал существен-

ное преимущество, и я перешла на бег, чтобы сократить разрыв, насколько это возможно. Когда мышцы принялись ныть, а дыхание сбилось, я призвала на помощь гнев и жажду мести, вновь наполняя тело отчаянной силой. Я продержалась так несколько часов, но потом все же была вынуждена остановиться на отдых.

Отец упоминал, что от Пичуги до столицы две недели пешего хода. Если я не смогу догнать Меченого за этот срок, мне будет трудно его найти – Узор огромен, в нем живут тысячи жителей, и затеряться там легче легкого. Так до конца и не отдохнув, я поднялась и продолжила путь. Вокруг тянулся Черный лес, непроницаемый, как сама тьма. Когда солнце скользнуло за горизонт, а луна Тои вскарабкалась до Звездного круга, проглядывая сквозь редкую сеть облаков, я вынуждена была искать место для ночевки. Мне попался небольшой луг в разрыве леса, а на нем неведь кем накошенный и забытый стог сена. Отшвырнув слежавшуюся, сырую верхушку, я закопалась в сердцевину, горячую от гниения травы, и мгновенно уснула.

Во сне мне явился отец. Он стоял в луче молочно-белого света и смотрел на меня внимательно, словно хотел изучить напоследок.

– Что мне делать, папа? – спросила я. – Как жить без тебя?

– Скоро поймешь, – ответил он. – Пока все делаешь верно.

– А магия? Как быть с ней?

Отец вздохнул.

– Я ошибся, Рина. Старый дурак! Думал, если удержу тебя, не стану учить, магия исчезнет сама собой. И вот чем это кончилось. Нет, ты не сможешь от нее отказаться. Ты – магия. Ты – сила. Вот что правда.

– А Меченый? Зачем они приходил к тебе?

Отец пожал плечами.

– Хороший вопрос! Считаешь, за мной явилось прошлое? Ты ошибаешься. Я прежде никогда не встречал этого человека. У него нет причин держать на меня зло.

Фигура отца начала размываться, и я поняла, что время, отведенное нам для прощания, кончается. Столько всего надо успеть спросить! Столько сказать!

– Папа, кем ты был? Как узнать о тебе больше?

– Никак, моя девочка, – печально ответил отец. – Я жил неправильно, совершал ошибки. Мне бы не хотелось, чтобы ты о них знала. Для тебя я Кер Од, охотник, папа. Помни меня таким! Отомсти за меня, если хочешь. Но лучше найди себя и тех, кто тебя примет. А я...

Его голос прервался, и я испугалась, что не успею сказать главного.

– ... буду рядом!

– Я люблю тебя, папа! – крикнула я, и отец исчез в нарастающем свете нового дня.

Я проснулась. Слезы лились из глаз, руки дрожали. Мне с трудом удалось выбраться из стога. Стряхнув труху, я вернулась на большак. Теперь я внимательнее глядела по сторо-

нам, ища кусты боярышника и лещины, которые еще не разорили лесные жители. К полудню вдали показались крыши поселения, название которого я забыла. Запах дыма, лай собак, стук топоров отозвались в моем сердце сладкой музыкой. Мне хотелось к людям, но в то же время я не знала, чего от них теперь ждать. И мне не на что было купить еду.

Я шла по проулку, пытаясь выглядеть уверенно, по-своему. Собаки не кидались мне под ноги – недобро тарасились из-под заборов и ворчали. Похоже, они боялись меня сильнее, чем я их. Навстречу мне медленно выплыла женщина с ведрами в руках. Я поклонилась ей, отведя взгляд в сторону, как того требовали приличия.

– Я иду из Пичуги в Узор, – сказала я без лишних предисловий. – Ночью еноты утащили мою котомку, и мне нечего есть. Нет ли у вас работы?

– Работы? – удивленно протянула женщина, ставя ведра на траву. – Пожалуй, есть. Поможешь мне доить коров.

И мы пошли в хлев. В теплом стойле жались друг к другу пятнистые телята, рядом, за загородкой, мычали на разные голоса четыре коровы. Женщина подошла к одной из них, присела на низенькую скамеечку и принялась доить, а мне велела взять в закуску ведро и заняться тем же. Работа была мне знакома, вдвоем мы быстро управились, и я получила кусок сыра и свежий хлеб, вкуснее которого, кажется, не ела ничего.

Пока мы доили, Маира, хозяйка коровника, рассказал мне

все, что знала, о себе и соседях. Ее муж плел корзины на продажу, но летом пропал в чащобе, видно, его задрал медведь. Она одна растила сыновей-малюток. Хорошо, соседи помогли накопить сена, а то бы пропала в зиму с коровами. Одной не запасти столько, чтобы их прокормить. Телята еще вот. Вскорости продаст их, чего держать. И никакого чужака не видела. Может, он мимо проехал, в деревню не заглянул.

Простившись с Маирой, я отправилась к харчевне, куда стекались все слухи. Селяне косились на меня с опаской, но от разговора не отказывались. Они тоже не видели Меченого – мало ли разного сброда по большаку шляется! То разбойники налетят, то вербовщики в армию, то проходимцы какие-то неведомые. Раздосадованная, я вернулась на большак и припустила быстрым шагом, надеясь, что чувство сытости продлится хотя бы до вечерней зорьки.

К пятому дню погони я уже склонялась к мысли, что надо украсть где-то лошадь, иначе упущу Меченого. Как назло, деревень не попадалось, только блестела бегущая неподалеку от большака Лента, главная река королевства Гац. И тут мне пришла в голову идея сплавиться по ней до Узора и перехватить Меченого у ворот.

В камышах болталась привязанная к колышку лодка. На дне лежало изъеденное водой и жучками весло. Красть лодку, конечно, немногим лучше, чем красть лошадь, и я молилась богиням, чтобы тот, кому она принадлежала, не очень пострадал от потери. Я сняла с себя кулон с сердоликом –

последний подарок отца – и привязала к веревке, которая удерживала лодку. Будем считать, я расплатилась.

Лодка вынесла меня на середину реки. В прибрежных кустах копошились ондатры, где-то била хвостом щука. Одним веслом грести было несподручно, но я приноровилась. Лента течет медленно, не то что шустрая Ленточка, и я попробовала ускорить ход лодки магией. Ничего не вышло! Почему-то иногда у меня не получалось колдовать, хотя я старалась изо всех сил. Я не знала возможностей магии, мне приходилось действовать наугад. Возможно, в Узоре я найду мага, который согласится меня учить.

Мне приходилось несколько раз причаливать к берегу, чтобы найти пропитание. Один раз я поймала ондатру, чье мясо оказалось невероятно вкусным. Другой раз мне попала на берегу драконья калина – редкий куст, который, как утверждают, растет только в южных землях. Ягоды были кисло-сладкими, очень сочными и таяли во рту. Я нарвала их как могла много и погрузила в лодку.

Все шло неплохо, пока не хлынул дождь. Сначала я промокла до костей, и это только полбеды! Дальше начало заливать дно, я вычерпывала воду ладонями, пока не выбилась из сил. Ливень и не думал прекращаться. Пришлось остановиться, перевернуть лодку и ждать, пока погода не станет ко мне благосклоннее.

Еще один неприятный сюрприз преподнесла сама река. Ниже по течению начались пороги. Теперь мне стало понят-

но, зачем выстроен большак, хотя рядом течет Лента, по которой передвигаться быстрее и удобнее. Протащив на себе лодку несколько часов, я так вымоталась, что рухнула на песок и лежала ничком до заката. Похоже, Меченого я все-таки не догоню, но сдать я была не готова.

Я провела в пути десять долгих дней, и наконец увидела на горизонте Узор. Меня охватила радость вперемежку с тревогой. Никогда прежде я не бывала в городе, только читала о нем в книгах, рассматривала оттиски гравюр. Какая там жизнь? Какие люди? Я вгляделась в свое отражение в воде, пытаюсь добиться у него ответа.

Как жаль, что я не красива! Как жаль, что у меня такие приметные волосы! Я нехотя достала кинжал, схватила косу и одним движением отрезала ее, безжалостно бросив в воду. Рина останется здесь. А в столицу поедет Рин, услужливый паренек, готовый браться за любую работу, чтобы выжить.

Немного подумав, я решила наложить чары на свой облик. Пусть с короткими волосами и в мужской одежде, я все же оставалась девушкой. Обмануть не вышло бы даже слепого. Я закрыла глаза и представила, как мое лицо чуть заостряется, глаза становятся меньше, нос – больше, на шее проступает кадык. Над губой вырастает робкий, мягкий пушок. Сила текла сквозь меня, как поток, заставляя воздух звенеть. Я почувствовала запах хвои и поняла, что так пахнет магия. Как же я раньше этого не замечала! Быть может, дело в том, что обычно я колдовала в ельнике, подальше от людей.

Открыв глаза, я обнаружила, что в воде отражается лицо незнакомого мне мальчика лет тринадцати, не больше. Слишком худой, чтобы наняться в подмастерья к кузнецу, но вполне подходящий для разности по домам молока или выпечки. Я улыбнулась и помахала себе рукой. Здорово получилось! И все же любопытно, действительно ли я стала парнем, или это иллюзия. Коснувшись губ, я не обнаружила усиков. И тело никак не изменилось. Стало быть, все-таки иллюзия. Хорошо, что я догадалась это проверить. Нельзя давать себя касаться, иначе разоблачат. Тогда вскроется, что я маг, и что я девушка, и что я девушка-маг. Отец велел скрывать это, а он не стал бы настаивать из простой предосторожности. Ему, бывшему жителю столицы, виднее, что лучше сделать для выживания.

Я причалила в уютной заводи, не доезжая лиги до столицы, и вернулась на большак. Меченого не было видно ни впереди, ни сзади, но я и не надеялась на такую удачу. Подойду к воротам и спрошу стражу. Вскоре я нагнала несколько повозок, груженных соломой, и прибилась к ним. Возницы перебрасывались шутками и добродушно смотрели в мою сторону.

– Куда спешишь, паренек? – спросил бородач, правивший парой мулов.

– В Узор, куда ж еще! – откликнулась я. И тут мне стало ясно, что голос тоже стоило изменить. Слишком высокий.

– От мамки-то, небось, только вчера оторвался? – усмех-

нулся второй возница, кутавшийся в латаную шерстяную накидку. Я обрадовалась, что несмотря на ошибку, не выдала себя. Рин – совсем еще ребенок. Молоко на губах не обсохло, голосок не переломался. И впредь надо следить за речью.

Некоторое время мы молчали, затем бородач спросил:

– Чего ты забыл там, в Узоре?

– Мать за отцом послала, – сказала я. – Ушел батрачить, а дома беда, пожар. Надо его срочно назад, хату до зимы поставить.

Я удивилась, как легко далась мне эта ложь. Не иначе как призвание!

– Пожар – это худо, – покачал головой бородач. – А может, я где твоего папку видел? Мы тут неделю катаемся туда-сюда, от Узора к Лосиной роще.

Я кивнула и принялась объяснять:

– Он человек приметный. У него ожог на щеке. И лошадь гнедая, дорогушая, графа нашего подарок.

– Видали твоего папку! – сказал возница в шерстяной накидке. – Как бешеный проскакал, чуть стражников в Ленту не скинул. Очень торопился. Только не к вам, а в Узор. Чем вы ему так насолили?

– Устал от семейной жизни, – вздохнула я. – Спешил расслабиться.

Новость, конечно, была не из приятных. Меченому удалось опередить меня, и теперь он затерялся в лабиринте улиц столицы, где его будет нелегко разыскать. В начале своего

пути я бы жалела об этом, но за десять дней я многое успела обдумать, взвесить, оценить. Правда в том, что с Меченым мне не справиться. Отца не мог одолеть обычный человек, ведь он был маг. Когда он не брал меня на охоту, я частенько тайком шла за ним и видела, как он убивал кабана одной лишь силой воздушного удара, как подсекал ноги могучему оленю. Меченый, сумевший его одолеть, тоже владел магией. Вяжавшись в бой с ним, я бы погибла. При первой встрече мне повезло: я застала его врасплох, а потом дикая магия вырвалась на свободу, и он в испуге отступил. Без тренировок у меня нет шанса на победу.

Теперь, когда холод дороги остудил мою голову, я могла разработать план получше. Первое и главное: выследить Меченого, наблюдать за ним, узнать о нем все. Где живет, с кем спит, чем занят. И зачем он убил отца, если у них не было личных счетов. Второе: научиться магии, чтобы справиться с Меченым и теми, кого он позовет на помощь. Третье: понять, что делать дальше. Месть – хорошая цель, но на короткой дистанции. На ней одной не выстроишь жизнь. Я должна найти свое место, где бы они ни было.

У ворот я рассталась с возницами, они пожелали мне удачи и свернули в сторону рынка. Стражники, к которым я подошла с вопросом, прогнали меня под хохот идущих с корзинами торговков. Раздосадованная, я встала поодаль и попыталась сосредоточиться на направлении. Магия молчала. Со всех сторон слышался гомон, перестук молотов в куз-

нях, кудахтанье кур, звон лютни и песни бродячих музыкантов. И, как ни странно, чувствовался запах хвои. Где-то рядом творили магию! Это было даже хорошо: так мне легче остаться незамеченной, со своим неукротимым огнем, готовым вспыхнуть в любую минуту.

Запах хвои вел меня вглубь узких переулков, мимо нарядных фахверковых домов. Раньше я видела их только на картинках в книжках. В Пичуге строили хаты из бревен, и за несколько лет они становились серыми, как спинка зайца. Здесь, в Узоре все иначе. Кирпичные мостовые, белые стены, расчерченные темными досками, алые флюгеры на коньках. Я глазела по сторонам, ошеломленная красками города. Вот бы попасть сюда не беглецом, а гостем!

В проулке у колодца запах магии был так силен, как будто творивший ее находился совсем близко. Я стояла перед длинной постройкой в двадцать окон. Одно из них было открыто, но как я ни вглядывалась внутрь, ничего не рассмотрела. Поколебавшись минуту, я распахнула дверь. Над моим ухом нежно пропел колокольчик.

Я оказалась в просторной комнате, заставленной мягкими стульями и низкими столиками. Приветливо горел камин, на полке над ним тикали огромные бронзовые часы. В Пичуге ни у кого не было часов, кроме моего отца, и он не разрешал к ним даже прикасаться. Я потихоньку обошла комнату и увидела дверь, за которой находился длинный коридор и лестница наверх.

– Эй, парень, кого-то ищешь? – спросил голос у меня за спиной.

Я вздрогнула. От страха и неожиданности в моей ладони сам собой загорелся огонек, и я проворно сунула руку в карман от греха подальше.

Посреди комнаты с метлой в руках стоял огромный детина, румяный от утренней прохлады.

– Здесь должен был остановиться мой отец, – сказала я, стараясь придать голосу твердость. – Серьезный такой, с большим ожогом на щеке.

Детина озадаченно почесал в затылке.

– Не было его. А точно у нас? Может, в «Голой сирене»?

– Да, наверное, там.

И я поспешила к выходу. Детина продолжал стоять посреди комнаты, крепко держась за метлу.

– А может, у вас есть работа? – вдруг спросила я. – Не смотрите, что я худой. Я крепкий. Могу дрова колоть, могу двор мести.

– Оставайся, работа найдется, – улыбнулся детина. – Отец не против будет?

– Я сам по себе! – с вызовом сказала я. – Взрослый уже.

– Ну да, взрослый, – детина подошел поближе и вручил мне метлу, как приз за дерзость. – Пробегись-ка по двору, собери листья в кучу. А меня можешь звать мастер Хойл. Я сын хозяйки и тут главный, пока ее нет.

– И как она приедет, выгонит меня? – спросила я с опас-

кой.

– Да нет. Нам помощники всегда нужны. Только вот...

Хойл замялся.

– Платите мало? – предположила я.

– Угадал, – со вздохом сказал Хойл. – Накормим, напоим.

И в неделю десять грошей. Устроит тебя?

Десять грошей – это два горшка масла, или семь булок с сыром, или четверть печатной книги. Негусто. Зато будет крыша над головой, и Хойл показался мне добрым человеком. Магии в нем не чувствовалось.

Я шмыгнула носом.

– Пойдет. А что у вас тут – харчевня?

– Харчевня. И постоянный двор. Ты неграмотный, да? – с сочувствием спросил Хойл.

– Отчего же – грамотный. Почти.

– Вон, видишь – наша вывеска. Харчевня «Соловей», обед – пять грошей, постой – крона.

Вот как! Увлечшись поисками мага, я не обратила внимания на название – сразу побежала внутрь.

– Много постояльцев сейчас? – спросила я.

Хойл пожал плечами.

– Трое. К Порогу больше будет. Иди, не стой тут! Листья сами себя в кучу не соберут.

И я отправилась на задний двор. В птичнике кудахтали куры, время от времени пел петух. Опавшей листвы было немного, и я быстро управилась. Заодно заколотила щели в

птичнике, поправила солому на его крыше, разожгла печь и нагрела воды, покормила сеном мула, скорбно свесившего морду из загона, почистила его и села на лавку передохнуть.

Вышедший из двери Хойл встал, как вкопанный.

– А ты расторопный малый! – похвалил он. – Будешь так трудиться, получишь пару грошей уже сегодня. Пойдем резать репу.

И мы отправились на кухню.

Так началась моя новая жизнь в стольном граде Узоре.

Глава 2

Вот уже месяц я жила в «Соловье», чувствуя себя кукушонком, который хитренько перебрался из одного гнезда в другое. Целыми днями я мела, мыла, подавала на стол, кормила скотину, чистила амбары, рубила дрова, штопала белье постояльцев. Хойл трудился наравне со мной, не брезгуя никакой работой. Его мать, почтенная Зузанна Чепыш, приняла меня как свою, точнее, как своего. Нередко именно мне, а не Хойлу доставалось несъеденное клиентами мясо или сухофрукты в сахаре. У меня не было матери, и я всегда перед сном представляла ее себе: то милой женщиной возраста отца, то молоденькой аристократкой, то богиней Таей. Познакомившись с Зузанной, я стала мечтать, чтобы моей матерью была она.

– Рин, малыш, отнеси вещи постояльца наверх! – отвлек меня от мыслей ее голос.

Я бросила протирать пыль и помчалась к входу. Близился Порог года, и в Узор валом валил народ. Все готовились к ярмарке, на которой устанавливалась цена на посевное зерно, распродавались шерсть, мед, орехи, скупался целыми стадами молодняк. В этой толкучке отыскать Меченого было почти невозможно, но я не теряла надежды. В свободные дни я обходила квартал за кварталом, ненавязчиво расспрашивала лавочников об «отце», и почти всегда слышала: «Нет, не ви-

дели, не знаем». Предположение у меня было только одно: перед нападением на отца Меченый накинул на себя личину, а в Узоре снял ее. И теперь моя единственная зацепка не работала. Догадывался ли он, что я пойду по его следам? Опасался ли мести? Или просто спешил в столицу, чтобы заняться другими, наверняка еще более темными делами?

В «Соловье» обычно останавливались небогатые купцы из окрестных деревень. Они привозили скоропортящийся товар: рыбу, мягкий пресный сыр, свежие грибы. Мага, чье волшебство привлекло меня на постоялый двор, я быстро вычислила. Это был юный мелкопоместный дворянин Фир Даггир, приехавший в Узор поступать в Королевскую академию. Он колдовал тайком, что было весьма дальновидно с его стороны. Законами империи магия была запрещена, ею пользовалась на особых правах только королевская полиция, армия и придворный маг.

Узнав об этом, я не могла понять, кто придумал столь глупые законы. Магия опасна, как опасен острый нож или, например, отломленный зуб дракона. В неумелых руках и палка – грозное орудие. Но сколько полезных вещей могли сделать маги! Те же личины, наложенные на безобразное, искалеченное лицо, осчастливили бы многих.

Фир, который очень боялся полиции, умел еще меньше, чем я. Главным образом, он зачаровывал зеркало, и в нем отражались комнаты соседствующего с «Соловьем» дома терпимости. Денег на поход туда у юноши не было, оставалось

только подсматривать. На чердаке, где я жила, зеркал не висело. Поэтому фокус Фира я проделывала с тазиком воды. Изображение получалось нечетким, бледным, но мне вполне хватило для тренировки. Особого интереса увиденное не представляло: живя в деревне, я не раз видела и более откровенные сцены. В праздник Теи супруги, не таясь, дарили друг другу ласки в заповедном лесу. Дети, рожденные после этого, получали благословение богини.

В отличие от меня Фир никак не мог остановиться и проводил все дни в своей комнате. Я не хотела, чтобы его разоблачили: он был щедр на чаевые, и никогда не пытался унижить прислугу, как другие постояльцы. Не выдержав, я подбросила ему записку: «Будь осторожнее». И он прекратил мучить зеркало, переключившись наконец на книги, а потом и вовсе перебрался в Королевскую академию, куда все-таки поступил. Наши пути окончательно разошлись.

Таща вещи нового постояльца, мистера Шеда, я едва не надорвалась: увесистые пожитки, огромные сундуки!

– Пошевеливайся, заморыш! – сказал он мне, когда я остановилась на лестнице передохнуть. – И смотри не урони, шкуру спущу!

Он гнева огонь перетек в ладони. Мне понадобилась вся моя выдержка, чтобы не сжечь жалкое барахло этого надутого индюка. Когда мы вошли в приготовленную для него комнату, он развалился на кровати и потребовал:

– Сапоги чисть!

И вытянул обутую ногу, запачканную глиной и землей. Деться было некуда – чистка обуви постояльцев входила в мои обязанности. Я вынула из кармана тряпку и принялась аккуратно соскребать грязь в кожаный передник. За этим занятием меня застала наша новая горничная – Игула, которую взяли на пару месяцев. Мы с ней быстро сдружились: я помогала ей носить тяжелые ведра с водой, а она резала корнеплоды, когда я натирала ножом очередную мозоль. Игула, увидев, что комната не пуста, тут же захлопнула дверь. Шед посмотрел ей вслед масляным взглядом. Надо предупредить ее, чтобы держалась подальше, пока он не съедет.

Вечером того же дня мы с Хойлом закончили мыть тарелки после ужина и уже собирались разойтись на отдых, как вдруг мое внимание привлек странный шум у птичника.

– Пойду проверю, что там. Вдруг опять хорек, – сказала я, и Хойл устало кивнул. Он позевывал и лениво дочищал котел, покрытый слоем подгоревшей каши.

Я вышла во двор. Темнота заволокла постройки, Луна Тои на ущербе едва проливали на землю тусклый свет. Возле сарая кто-то боролся.

– Эй! – крикнула я и подняла повыше свечу.

У стены стоял Шед. Одной рукой он зажимал Игуле рот, другой расстегивал штаны. Я прыгнула с крыльца и рванула его за воротник. Раздался треск, кусок ткани остался в моих руках. Шед обернулся и прошипел:

– Убирайся, щенок! Размажу!

Я ударила его кулаком, но он успел перехватить мою руку. Игула от страха осела на поленницу с открытым ртом, не в силах выдавить из себя ни звука.

– Хойл, на помощь! – попыталась крикнуть я, но Шед схватил меня за горло. Стало трудно дышать, перед глазами расцвели красные звезды. Я трепыхала руками и ногами, пытаюсь достать Шеда, но он был вдвое больше и во столько же раз сильнее. И тогда заклинание удара сорвалось с моей ладони – оно попало ему в солнечное сплетение. Шеда швырнуло к курятнику, и он ошалело глянул на меня, не веря, что юнец одолел его. В отсветах непогасшей свечи он казался мне свирепым медведем-шатуном, потерявшим свою берлогу. Шед зарычал и сбил меня с ног. Я пропустила пинок в живот и, вывернувшись, вновь ударила его – всей силой, копившейся внутри. Он отлетел к калитке, вышиб ее и упал в проулок.

– Игула, в дом! – приказала я. – Зови Хойла.

Но он уже и сам выбежал во двор с кочергой и фонарем.

– Что тут случилось? – спросил он, оглядывая разгромленную поленницу и сломанные доски в сарае.

– Драка, – пожалала плечами я. – Мистер Шед напал на Игулу. Вон он лежит, в канаве.

Шед что-то невнятно промычал и попытался встать. Мы с Хойлом подошли к нему, готовые к чему угодно, но воевать не пришлось. Шед потер шишку на затылке и сел.

– Ты за это ответишь, гаденыш! – сказал он сипло.

– Убирайтесь вон! Сейчас же! – потребовал Хойл. – Или я позову полицию.

– Ты еще не знаешь, кто я! – усмехнулся Шед. – Я сравняю твою жалкую ночлежку с землей. Ты у меня в ногах будешь ползать.

– Пока этим занимаетесь вы! – отрезала я.

Шед поднялся и побрел в дом. Через четверть часа он со своими многочисленными узлами стоял на улице. Хойл протянул ему деньги, уплаченные за постой. Шекс сплюнул на мостовую и сгреб их.

– Я еще вернусь! – пообещал он, но мы уже захлопнули дверь.

– Что скажет матушка? – простонал Хойл, падая на стул у камина.

Я почувствовала укол вины.

– Я не мог поступить иначе. Игула...

– Да, Рин, я понимаю. Вроде и правильно все сделали, но мне страшно. Вдруг он устроит поджог? Или вернется сюда с бандитами?

На это мне нечего было сказать. Такие, как Шед, способны на любую подлость.

– Найдем ночного сторожа? – предложила я. – Или будем по очереди дежурить.

– Можно, – согласился Хойл. – А где ты выучился так драться?

– Природный талант!

Хойл недоверчиво поднял бровь. Я похлопала его по плечу и сказала:

– Иди спать, я присмотрю за харчевней.

Хойл поднялся и исчез наверху, а я вышла на улицу. Шед с пожитками успел убраться подальше, в окрестных домах гасли огни. По камням мостовой зимний ветер гнал снег и мусор. Я огляделась: прохожих нет, все кругом уснули. Можно попробовать построить что-то вроде воздушного забора, чтобы Шед не смог подойти близко. Я сосредоточилась на желаемом и почувствовала, как сила течет сквозь тело, наполняя собой пространство. Готово, можно на боковую! Теперь Шеду сюда хода нет.

И лишь когда я легла в кровать, меня озарила мысль: если мимо моей воздушной стены пройдет маг, он ее почувствует. Что тогда будет? Не выдала ли я себя этим колдовством? В городе ходили слухи, что пойманным магам грозит пять лет в каменоломнях, а самых упорных скармливают драконам. Пару дней назад по улицам носились герольды, приглашая на публичную казнь мага, погубившего соседей своим черным волшебством. Игула и Хойл собирались пойти. Если я буду неосторожна, когда-нибудь они полюбуются и на мою казнь.

Прошло несколько дней, Шед не появлялся, и я успокоилась. Постояльцы прибывали и прибывали, свободных комнат не осталось. И не было времени, чтобы беспокоиться о том, что может произойти. Хозяйка выбрала Хойла за неуважение к клиенту, меня не наказали никак, и от этого

было только хуже. Настроение испортилось, только улыбка Игулы подбадривала меня. И еще я заметила, как краснеет Хойл, когда случайно сталкивается с горничной в коридоре.

– Чего ты ждешь? – спросила я. – Пригласи ее на танцы.

– Сам пригласи! – буркнул он, теребя полотенце, которым протирал поднос.

– Увы, мое сердце несвободно! – сказала я со вздохом.

Хойл рассмеялся.

– Твое? Несвободно? Когда ж ты успел влюбиться, в колыбели?

– Смейся-смейся, – пробурчала я. – Трусишка!

– Кто трусишка?! – возмутился Хойл. – Да я сейчас...

И он решительно направился к Игуле, которая, замечтавшись, плясала на кухне в обнимку с метлой.

– Ты... – сказал Хойл. – Ну, ты...

– Я, – подтвердила Игула. – Ну, я.

– Хочешь?

– Чего?

– Со мной, – Хойл замялся. – На танцы. Завтра.

Игула радостно взвизгнула и повисла у него на шее. Я подмигнула Хойлу и вышла в коридор.

– Рин! – позвала матушка Зуанна. – Подойди ко мне, сынок.

Она возилась в одной из комнат, поправляя сорванные буйным постояльцем занавески.

– Малыш, сходи к мистеру Дассу за луком и перцем! Мне

похлебку варить, а все кончилось.

Лавочка Дасса находилась в квартале от нас. Туда наведывались те, кто искал честной цены на товар. Дасс никогда не пытался брать лишнего, хотя и не работал в убыток. Поэтому он не торговался, и мне это нравилось.

Схватив корзину, я вышла черным ходом и направилась в сторону лавки Дасса. Зима набирала обороты, по обочинам лежал снег. Я свернула между домов, чтобы сократить путь, и вдруг кто-то накинул на мое горло петлю и поволок. Корзина выпала из рук и покатила по мостовой под уклон.

Я пыталась оттянуть от горла веревку, но она только ту же затягивалась. Тот, кто меня душил, глухо фыркнул, и я лягнула его, что было сил. Он отступил, и давление ослабло. Я обернулась: передо мной стоял Шед и четверо оборванцев бандитского вида. Не побоялся напасть среди бела дня!

Я зажгла в ладони огонек, разорвала удавку и кинулась наутек. Меня быстро повалили и начали бить. Я кричала, пыталась закрыться от ударов, но становилось ясно, что без магии мне крышка. Я сосредоточилась, раздробила воздушный удар на пять потоков и скинула с себя нападавших.

– Мальчишка – маг! – заорал Шед. – Хватайте его! Он мне нужен живым.

Теперь не имело смысла скрываться. Я соединила ладони и вызвала пламя, лизнувшее веревки для белья, натянутые между домов.

– Только попробуйте подойти, – сказала я, и огонь в моих

руках заплясал, как живой. – Спалю!

И тут же в мою голову полетел камень. Я уклонилась, но в бок попал незамеченный второй. Убрав огонь, я соорудила воздушные щиты на оба предплечья и заслонила ими голову и грудь. Камни со стуком падали на мостовую, но ситуация складывалась не мою пользу. Одновременно атаковать и обороняться не получалось. Меня прижали к стене. Шед достал кинжал и с ухмылкой поигрывал им, подбираясь ближе и ближе.

Внезапно в конце проулка возникла фигура в сером плаще.

– Помогите! – взмолилась я, и мой неизвестный помощник вытащил из ножен меч.

Мы ударили одновременно: оружием и магией. Бандиты Шеда бросились наутек, но я успела закрутить их и столкнуть лбами. Они со стоном повалились навзничь. Человек в сером выбил у Шеда кинжал, а когда тот попытался перейти к рукопашной, нырнул влево и ловким движением ладони оглушил его. Шед присоединился к своим напарникам, безмолвным и более не опасным.

От напряжения я упала на колени. Меня трясло, след от веревки на шее горел. Прошлые синяки и новые дали о себе знать, и по телу прокатилась волна мурашек. Незнакомец вернул меч в ножны.

Я подняла голову, чтобы разглядеть своего спасителя. Молодой, светловолосый, невероятно красивый, он улыбнулся

мне так тепло, что моя боль прошла. Его лицо показалось мне смутно знакомым, но я никак не могла припомнить, где его видела. Может, в лавке мистера Дасса или на площади Трех богинь, у фонтана Слез. Кто он? Почему помог?

Я хотела его поблагодарить и не находила слов. В мыслях царил звенящая пустота. Незнакомец присел рядом со мной и, откинув капюшон, сказал:

– Именем короля, ты арестован!

В мою грудь уперлось острие кинжала Шеда.

Глава 3

Довольный собой, полицейский вел меня в участок. Цепи, сковавшие мои руки, гремели, прохожие с интересом поглядывали на нас. Должно быть, гадали, кого удалось изловить: воришку-карманника или хулигана. Женщины средних лет бросали на меня полные сочувствия взоры, старики усмехались в бороды и одобрительно качали головой. Я судорожно обдумывала план освобождения. Можно попробовать разомкнуть браслеты на запястьях силой магии, толкнуть полицейского и скрыться в переулке. Шансов на успех мало. Гораздо вероятнее, я получу кинжал в спину. А если сразу атаковать огнем? Поджечь одежду, и пока он сбивает пламя, юркнуть в подворотню.

Я присматривала удобное место для побега. Проходя мимо длинного здания с вычурным крыльцом, я увидела открытое окно подвала. Риск, но стоит попытаться. Я попробовала разорвать цепь – не вышло! Она не поддавалась силе распиравшего ее воздуха. Тогда я зажгла в ладони огонь и нагрела металл. Полицейский, дернувшись, сбросил с руки намотанный конец цепи, а я прыгнула в окно подвала. Сердце колотилось, как бешеное! Мне удалось, удалось! Дело за малым – освободить руки.

В подвале было темно, пахло плесенью и мышами. Я вновь зажгла огонь. Меня окружали мрачные каменные сте-

ны, промерзшие до основания: сюда когда-то стекала вода с улицы. Двери не было – выход перекрывала железная решетка, запертая на замок. Я попыталась разъять его магией – тщетно!

Мне нужно было как-то проташить кисти сквозь браслеты. Я сосредоточилась и представила, что металл раздувается, как тесто в печи. Через пару мгновений я услышала лязг. Цепи упали на каменный пол, я освободилась! Оказывается, и это могу!

Я вернулась к окну. Полицейский не последовал за мной, но он мог остаться снаружи. Я зацепилась пальцами за край окна и попробовала подтянуться, как вдруг услышала голос: – Удобно, когда преступник сам забирается в камеру!

Полицейский, который вел меня, стоял по ту сторону решетки и наблюдал за моими прыжками с немалым любопытством.

– Эта камера называется «Последнее искушение», – объяснил он. – Сюда мы приводим тех, кого вот-вот должны отпустить на свободу. И если они пытаются бежать, а соблазн велик – на окне нет решеток – им добавляют год-другой для вразумления.

Ярость заставила меня потерять рассудок. Руки вспыхнули, сила потекла потоком.

– Остановись! – предупредил полицейский. – За нападение на меня ты точно получишь срок. Это не нужно ни тебе, ни мне. А если ты проникся сочувствием к несчастным аре-

стантам, то знай, что мы поступаем так только с теми, кто был бы опасен на свободе. Например, с грабителями, которым самое место на плахе.

– Кто вы, чтобы решать, кому жить, а кому умереть?! – сказала я, подавляя злость. – Святая Агудина?

Полицейский пожал плечами:

– Служитель закона. И если ты перестанешь кипятиться, я выпущу тебя и мы поговорим в более приятной обстановке. Ты как, готов остыть?

Я погасила пламя и кивнула. Полицейский достал ключ и отпер камеру, выпуская меня в коридор.

– За мной! – скомандовал он.

Мы вышли из подвала и оказались в просторном помещении, в которое выходило несколько дверей. Одну из них полицейский по-хозяйски распахнул, приглашая меня внутрь.

– Мой кабинет, – сказал он и жестом приказал сесть в кресло перед столом, а сам устроился напротив.

Я молча изучала окно. Если выбить стекло воздушным ударом, можно второй раз попробовать сбежать. Полицейский, кажется, понял, что у меня на уме, и усмехнулся:

– Не советую. Окно выходит во двор, а там казарма. И весь гарнизон на утренней тренировке.

Я сжала челюсти и посмотрела на него с вызовом.

– Хотите казнить меня, как того мага, который убил соседей?

– Пипа Гольштата? Нет, ты ему не ровня.

– Тогда что?

– Позволь мне начать нашу милую беседу о твоём будущем, – предложил полицейский. – Во-первых, имена. Меня зовут Оден Нотис, я капитан королевской полиции и по совместительству барон Вир, если тебя интересуют титулы.

– Не интересуют! – буркнула я.

– Жаль, – сказал капитан Нотис. – А я надеялся, мечтал. Теперь ты можешь назваться.

– Не хочу.

– Я настаиваю.

– Рин Яффи.

Под таким именем я устроилась на работу в «Соловей». Конечно, опасно было сохранять осколок старого имени: весть о пожаре, учиненном мной в Пичуге, рано или поздно должна была добраться до столицы, но я решила, что прятать дерево лучше всего в лесу. Мальчиков часто называют Рин, а тот, кто хотел бы найти меня, решил бы, что я полностью сменила имя.

– Ты славно дрался, Рин Яффи! – похвалил меня капитан. – Для своих лет ты достаточно крепок и владеешь магической силой под стать придворному магу.

Я недоверчиво хмыкнула. Капитан взялся мне льстить, и это не сулило добра. Ему что-то от меня нужно.

– Думаете завербовать меня в полицию?

Серые глаза капитана пристально разглядывали меня.

– Да. Думаю. И уже вербую.

– Спасибо за предложение, но я говорю «нет».

– И почему же? – капитана, казалось, ничуть не расстроил мой отказ.

– Мне не нравится защищать закон, который несправедлив к людям. Мне не нравится, что вы устраиваете ловушки – вроде той, с открытым окном в камере. Мне не нравится, что вы рубите головы магам.

– К слову сказать, этим занимается палач.

– А вы подкидываете ему работу! Нет! Лучше каменоломни. Сколько там полагается за мое колдовство? Пять лет, десять?

– Дюжина. Нападение на человека с применением магии – тягчайшее преступление, – сказал капитан, откидываясь на спинку кресла. – Ты хоть представляешь себе каторгу? Пыль, тяжелая кирка, охрана с длинными хлыстами, похлебка на воде раз в день. Там и год-то протянуть трудно, не то что дюжину лет.

– Вот еще одна причина, по которой я не хочу в полицию. Вы это знаете, и вам все равно.

Ладони уже начал покалывать огонь, и я старалась дышать ровнее, чтобы не давать воли гневу. Капитан спокойно сидел напротив и улыбался.

– Теперь, когда ты нашел истинных чудовищ и обличил их с таким пылом, позволь тебе прояснить кое-то. Завтра будет казнь – казнь мага, ты уже знаешь. Пип Гольштат, сорока трех лет от роду, две недели назад, в праздник Черного

Листа встал поутру и нашел этот мир дрянным местечком. Он вытянул из колодца воду, соорудил шар и пошел в соседний дом, где жена купца Люта Мажина и его дети собирались в церковь. С купцом у Гольштата были давние счеты, и поэтому он решил, что вправе мстить ему по своему вкусу. На глазах у детей он утопил в водном шаре несчастную женщину, а потом пошел искать Люта. Тот как раз на заднем дворе занимался ремонтом телеги. И тоже погиб. Вроде бы тут-то магу и остановиться, но он вернулся в дом и вытащил спрятавшихся в печи детей. Как ты думаешь, что было дальше?

Мороз прошел по моей коже, на глаза навернулись слезы.

– Как вы можете?.. – прошептала я. – Как вы можете рассказывать об этом с таким равнодушием?

Капитан вскочил на ноги и склонился надо мной.

– Могу! Потому что моя работа – смотреть в мертвые лица детей. Моя работа – ловить таких, как Гольштат, и вести их на плаху. И если это не справедливость, то что тогда?

Капитан сел обратно. Его кулаки разжались.

– Допустим, есть маги, которые причиняют людям зло, – сказала я. – Но при чем тут магия? Гольштат мог убить соседей ножом, дубиной, ядом, что бы изменилось?

– В случае Гольштата – ничего, – согласился капитан. – Он точно так же был бы арестован и казнен.

– Тогда в чем вина магов? Почему, например, сегодня вы схватили меня, а не Шеда, который напал первый?

Капитан вздохнул.

– Шеда тоже схватили. Как только мы покинули проулок, моя команда забрала его и тех недоносков, что он с собой привел. Должно быть, они уже сидят в камерах и, если очухались, дают показания.

Я обрадовалась: Шед арестован! Хойл и матушка Зюзанна могут спать спокойно – хотя бы какое-то время, пока преступников не отпустят.

– Сколько полагается за нападение? – поинтересовалась я.

– Месяц работ в королевских конюшнях.

– Что?! Месяц?

– А ты сколько хотел, мой кровожадный мальчик? Годы? Ты ушел с поля боя, гордо неся три ссадины и один синяк.

– Они меня убить собирались!

Капитан покачал головой.

– Нет. Подходя к переулку, я слышал, как Шед требует, чтобы тебя взяли живьем. По большому счету, что мы имеем? Драку. Даже без грабежа, простую, обычную. Почти. Ведь ты использовал магию, а большая часть твоих противников была безоружна.

– Камни и кинжал оружием вы не считаете?

– Более серьезное наказание полагается за использование меча или удлиненных клинков. А так никакого отягчения.

Я опять ощутила, как огонь пробивает защиту, чтобы вырваться и положить конец этому фарсу.

– Ненавижу законы, по которым Шед – несчастная жертва, а я – преступник. И тех, кто служит таким законам, тоже

ненавижу.

– Ты подожди, послушай и потом уже ненавидь с чистой совестью, – осадил меня капитан. – Рюмер Зоггуд, или Шед, как ты его называешь, мой давний знакомый. Я уже дважды арестовывал его, но за мелкие дела. Он отделялся исправительными работами, на каменоломни так и не попал. Я подозреваю, хотя доказательств нет, что он причастен по крайней мере к четырем убийствам.

Я со свистом втянула воздух. Угораздило же меня с ним связаться! Просто чудо, что я осталась жива после стычки.

Капитан с любопытством следил за моей реакцией.

– Вчера мне доложили, – продолжил он, – что Шед вернулся в город и привез с собой контрабандный груз. В прежних местах, где его могли заметить, он решил не останавливаться. Наш человек караулил его, стараясь не спугнуть. Но вечером, к его изумлению, Шед вывалился из ночлежки со своими тюками и перебрался на квартиру к бывшей любовнице. А потом на улицу вышел неизвестный мальчишка и принялся колдовать. Утром я собрал команду для твоего ареста, а вместо этого пришлось тебя спасти, причем от Шеда. То ли удача, то ли провал – никак не пойму.

Дверь в кабинет капитана распахнулась, и я увидела невероятную леди – изящную, с фарфоровой кожей и огромными синими глазами. Она нетерпеливо крутила зонтик и, надув алые губы, недовольно щурилась на капитана.

– Эна, пару минут, и я твой!

Дверь захлопнулась.

– Рин, – капитан устало потер лоб. – Давай прямо. Ты нам нужен, нужен полиции. Закон, запрещающий свободную магию, был написан не просто так, но у меня нет времени посвящать тебя в историю Узора и его войн. Поверь на слово, почти каждый маг, за редким исключением, перестает контролировать дар и пускается во все тяжкие.

– Не каждый!

– Я же сказал – за редким исключением. Возможно, ты им будешь. Глядя на тебя, можно предположить, что ты удержишься. Хотя с гневом придется поработать. Полицейскому нужно трезво мыслить и не кидаться очертя голову искать приключений на свой зад.

Он помолчал некоторое время и добавил:

– Вот мое предложение. Шеда будут судить за нападение не на простого гражданина, а на полицейского, что позволит королевскому прокурору на суде требовать каменоломни. Отправив его туда, мы спасем жизни людей.

Скрестив руки на груди, я ждала продолжения. Какова цена сделки?

– Ты останешься в полиции, и мы тебя обучим всему, что нужно: тактике боя, магическим приемам, основам медицины. Ты будешь получать жалование – не слишком обильное, но существенно больше, чем в харчевне. Что ты об этом скажешь?

– Мне надо подумать.

– Другого ответа я и не ожидал. Оставайся в гарнизоне, пока не определишься. Завтра вернемся к разговору, а пока иди во двор и найди коменданта. Он покажет тебе комнаты курсантов. И никакой магии сегодня, понял?

– Да, капитан.

На этом мы расстались.

Во дворе шли тренировки: арбалетчики дырявили мишени, слышался звон мечей, шипенье и свист точильного камня. Комендант – грузный мужчина преклонных лет – зорко наблюдал за разгрузкой телег.

– Капитан Нотис просил определить меня в казарму, – сказала я.

– Новый курсант? – удивился он. – И давно ли мы стали набирать на службу детей?

– Мне семнадцать! – заявила я, выпячивая грудь и надеясь, что под личиной это выглядит так же, как в моем воображении.

– Ага, семнадцать, – усмехнулся комендант. – Без десяти. Ладно, иди за мной.

Меня поселили в комнату, где жило пятеро парней. Все они готовились к службе в полиции. Старший из них, Родериг, подошел ко мне и больно ткнул пальцем в лоб.

– Кто такой? – поинтересовался он. – Чего здесь забыл?

– Не твое дело, – огрызнулась я, и тут же получила кулаком в ухо.

– Будешь называть меня мастер Родериг, понял? Пока не

поумнеешь, спишь на полу.

– Нет, – сказала я спокойно. – Моя кровать вон там, и я сплю на ней, Родди.

Родериг осатанел от такой наглости и с глухим ревом бросился на меня. Вторая драка за день – это уже перебор. Я уклонилась от его удара и спряталась за кровать.

– Как насчет мирных переговоров? – предложила я. Курсанты, окружившие нас, радостно заржали. Родериг одним ловким движением преодолел разделявшее нас расстояние и попытался схватить меня за шиворот. Я перекатилась под кроватью и показала ему язык. Он бросился в погоню. Мы метались, как два зайца, между кроватей, опрокидывали на пол соломенные матрасы, кидали друг в друга сапоги, кружки, корки хлеба. За нашей борьбой собрались понаблюдать все, кто трудился во дворе. Комендант одобрительно кричал:

– Бей его, парень!

Родериг считал, что подбадривают его, а я – что меня. Правда на стороне сильнейшего!

Наконец Родериг выдохся и сел на ближайшую кровать.

– Тебе конец, – просипел он, глядя в мою сторону налитыми кровью глазами. – Задушу ночью, как куренка.

– Ты не сделаешь этого, Родди, – улыбнулась я. – Мы ведь друзья. Кстати, я не против, чтобы ты звал меня Рин.

– Ты покойник, Рин!

– Хорошо, сам напросился.

Я соорудила воздушную петлю, обвила ее вокруг предпле-

чьа Родерига и с силой потянула. Он кубарем свалился на пол под хохот всей казармы.

– Как ты это сделал? – пробормотал он, оскальзываясь на соломе, выпавшей из матраса.

Я ухмыльнулась и пожала плечами.

– Готовься превратиться в жабу, Родди!

Когда он подошел ко мне и встал рядом, мне показалось, что надо мной нависла скала, которая того и гляди меня раздавит. Но Родериг хлопнул меня по плечу и сказал:

– А ты не промах! Пойдем, я угощаю. Тебе хоть пиво-то можно?

– Предпочитаю молоко.

Новый взрыв смеха чуть не сшиб меня с ног. Только сейчас я стала понимать, чем могла кончиться моя выходка. Отец часто говорил, что острый и притом болтливый язык – прямой путь в раннюю могилу, но я никогда не придавала значения его словам. Впредь стоит вести себя чуточку осторожнее.

Мы с Родеригом вышли из казарм и направились к ближайшей таверне. Девушка, разносившая пиво, подмигнула ему, и я поняла, что он тут свой.

– Падай, – сказал Родериг, шлепая по натертой до блеска лавке. – Пиво мне и молоко братику.

– Про молоко – это шутка была, – объяснила я официантке. – Тащи палинку.

Палинкой в Узоре называли пряное варево из фруктов и

ягод. Хмеля в ней было чуть, а согрела она лучше, чем глинтвейн. Матушка Зузанна знала секретный рецепт, и ее палинка славилась на всю округу. Здесь же повар жалел черноплодной рябины, поэтому настой был светло-красным и приторно сладким, без оттенков.

– Рассказывай, откуда такой взялся, – велел Родериг, отхлебывая пиво. – Ты маг, да?

– Маг, – подтвердила я. – Мать послала на зиму в город, на заработки. Пристроился в «Соловей».

– А колдовал зачем? Жить надоело?

– Ты, Родди, когда-нибудь раньше видел мага?

Тот неопределенно мотнул головой.

– Для мага колдовать, как для человека есть кашу ложкой. То есть можно жить и без ложки, но обычно все-таки хочется с ней.

– Понятно, – протянул Родериг. – Ты прокололся, и тебя замели.

– Вроде того. А ты как попал в полицию?

– Захотел и попал. Мой батя держит лавку на улице Жгугтов, это у Западных ворот. Хотел, чтобы я помогал, а мне до чертиков все надоело. Утром продаешь чеснок, днем продаешь чеснок, вечером – продаешь чеснок и идешь спать. Как тебе такое?

Я согласилась, что это ни с чем не сравнимый ужас. Мы допили напитки, и девушка принесла нам еще.

– Капитана Нотиса видел? – спросил Родериг.

– Именно он меня и арестовал.

– Ты с ним потише, без этих твоих магических штучек.

Говорят, он убивает взглядом.

– Тоже маг? – удивилась я. В капитане не чувствовалось магии, разве что какой-то легкий флер, и в бою он использовал меч.

– Не маг он, а поганая василиска. Оборотень! – прошептал Родериг, наклоняясь к моему уху. – Если захочет, убьет на месте, пикнуть не успеешь. А бабы за ним табунами ходят.

– Чтобы умереть? – предположила я.

Родериг брякнул на стол тяжелый кулачище.

– Дурак! Василиска – это ж такое... Ну, он их заманивает – взглядом.

Я чуть было не сказала, что меня он вовсе не заманил, а потом вспомнила про личину. Вряд ли мальчик Рин клюнул бы на чары василиска, которых у капитана явно не было. Но знание полезное, надо иметь в виду.

Мы еще немного посидели в таверне, обсуждая полицейские дела. Я узнала, что в полиции Узора постоянно не хватает людей, и парней набирают круглый год. Потом идут тренировки: неграмотных учат читать и писать, не владеющим оружием показывают приемы боя на мечах и кинжалах. Магов в полиции мало. Родериг знал только двоих: мастера Жилля Осорга – пожилого полицейского, который еле носил ноги и почти не принимал участия в делах, и леди Эну Дхар, ту самую синеглазую красавицу, которая заглянула в каби-

нет капитана. Родериг скрывать не стал: он давно сох по леди Эне, но на курсантов она даже не глядела. Увивалась вокруг Нотиса, чего и следовало ожидать. Он тут первый парень на деревне.

Я пыталась ничем не выдать своего изумления: неужели есть еще одна женщина-маг, кроме меня?! Отец говорил, такого быть не может. Ошибся? Надо во что бы то ни стало узнать побольше об этой таинственной леди. Если она не скрывает магию, значит, и для меня опасности нет.

Когда Родериг повеселел, и щеки его вспыхнули, как маков цвет, на что существенно повлияли четыре кружки ржаного пива, я спросила его, не видел ли он Меченого. Родериг отрицательно покачал головой.

– А что тебе от него надо?

– За ним должок, – сказала я.

– Тогда попробуй сходить к лейтенанту Галту.

– Кто это?

– Бруган Галт, – важно сказал Родериг. – Самый что ни на есть головастый голован среди нашего сброда. У него в башке – целая Академия! Всех помнит, кого видел.

Родериг вынул из кошелька восемь грошей и положил их на стол, накрыв перевернутой кружкой.

– Пойдем, – мотнул он головой в направлении казарм.

– Мне в другую сторону, – сказала я. – Возвращайся один, я скоро приду.

– Хорошо, – Родериг сделал пару шагов, потом повернул-

ся ко мне и проговорил. – И больше никогда не называй меня Родди!

– Ага, Родди!

И я под жуткую ругань Родерига потрусилась в таверну «Соловей». В общем зале трапезничали гости, матушка Зузанна с заплаканным лицом смешивала сметану, жгучий драконий корень и жареный лук, чтобы подать к телятине соус святой Ненилы.

– Рин, где ты был? – вскрикнула она, отставляя миску. – Мы думали, с тобой случилась беда.

– Пойдем на кухню, – попросила я.

Хойл раскладывал жаркое по тарелкам. Горячее мясо дымилось, окутывая кухню сытным дымом. Мне сунули в руки большой кусок, завернутый в пресную лепешку, и я жадно набросилась на еду. Я рассказала Хойлу и матушке все, как есть: что скрывала от них магический дар, что на меня напал Шед и что теперь его будут судить и надолго сошлют. Они слушали с мрачными лицами.

Я думала, они выгонят меня тут же, как узнают правду, но матушка обняла меня, а Хойл погладил по спине.

– Приходи к нам, когда будут отпускать. «Соловей» навсегда твой дом, что бы ни случилось.

Я поцеловала их на прощание, собрала в узелок нажитое за месяц добро и, едва сдерживая слезы, направилась к казармам. В моей сделке с капитаном Нотисом было много плюсов: я могла творить магию, сколько хочу, и меня научат

тому, чего я еще не умею. Не надо будет изобретать приемы на ходу, рискуя попасть впросак. Да и найти Меченого полицейскому легче, чем безродному мальчишке, работнику харчевни. С другой стороны, мне не хотелось участвовать в арестах магов. Я представляла себе Фира Даггира, который подсматривал за путанами: всего лишь за такое – в каменоломни? Что за дикость?

Возможно, я чего-то не понимаю, и капитан мне откроет глаза. Но пока я решила для себя, что буду предотвращать аресты магов, если их волшебство не приносит никому явного зла. Спасу столько жизней, столько могу. Буду тайным агентом магии в полиции Узора.

С этими мыслями я вернулась в казарму. Курсанты отдыхали, лежа на кроватях, Родериг читал им вслух вечернюю газету. Я бухнулась на матрас и постаралась не думать ни о чем. Ровный голос Родерига усыплял, и меня понесло по волнам памяти. Передо мной появилась фигура капитана Нотиса. В тонких, благородных чертах не было ни малейшего изъяна, его красота была сродни песне. И он улыбался мне так, что сердце в груди трепетало и принималось частить. Может, и правда василиск? После смерти отца и предательства Тильда я словно окаменела, перестала дышать полной грудью. И тут вдруг камень раскололся, сквозь щели в нем полилось что-то теплое, обволакивающее и целебное, как настойка цветов драконьей горечавки.

Нет, нельзя думать о капитане. Нельзя! Он никогда не

поймет меня.

– Нельзя, – пробормотала я вслух.

– А по-моему, можно, – раздался громкий голос Родерига. – Вставай, Рин, тренировка. Потом завтрак.

Утреннее солнце заливало двор. Курсанты под командованием сержанта Певира выполняли упражнения. Мы прыгали, отжимались, отрабатывали удары, колотили дубинками соломенные чучела, стреляли из арбалета. Я старалась делать все наравне с остальными, не используя магию, пока Певир не приказал иное.

– Глупо иметь оружие и не применять его, – сказал он. – Нож от бездействия ржавеет и тупится. Можешь бить магией – бей.

И сразу же точность моих попаданий в мишень изменилась в лучшую сторону. Десять из десяти! Я всаживала один болт в другой, а потом раздухарилась и выбила в мишени огромную дыру. Родериг и остальные курсанты наблюдали за мной с отвисшими челюстями и затаенным страхом.

– Во дает! – пораженно протянул Зибик, худощавый парень с вечным вихром на затылке.

Я победоносно улыбнулась и оглядела всех.

– Что смотрите, атакуйте его! – приказал Певир, и на меня одновременно навалилось пятнадцать человек. Я попыталась выставить щит, но меня придавили к земле и заломили руки. От боли я едва соображала.

– Нечего нос задирать, – проворчал Певир. – Отпустите

его, парни. Разбиться по двое. Бой до девяти ударов.

Курсанты сошлись в рукопашной, а я осталась сидеть на земле.

– К оружию! – потребовал Певир, вставая передо мной.

– Ну уж нет! – запротестовала я. – Вы меня в тюрьму посадите за нападение на офицера.

– Я не офицер. Учи теорию, сынок.

– Ладно, вы сами напросились, – сказала я и свила воздушную петлю. Певир атаковал первый, заставив меня отпрыгнуть назад и сбросить заклинание. Я укрылась за бочками, и обойдя их справа, надеялась ударить ему в тыл. И вдруг шум стих. По внутренней галерее, покачивая бедрами, прошла леди Эна. Аромат ее духов, с нотой морской соли, заливал воздух. Курсанты пялились на красотку, бросив тужить друг друга. Даже Певир, который поджидал меня у бочек, развернулся к ней и почтительно сказал:

– Леди Дхар, доброго утрачка.

Эна кивнула всем – и в то же время никому, а потом нашла взглядом меня. Мне показалось, она взяла меня за подбородок и повертела, как пеструю безделушку на ярмарке. Я мысленно отбросила ее руку, внутри разгорелся огонь. Эна улыбнулась и скользнула в дверь.

– Чего встали, остолопы? – гаркнул Певир. – Работаем, работаем, до завтрака еще добрая четверть часа.

Курсанты нехотя вернулись к своим занятиям. Вслед за Эной из той же комнаты вышел капитан. Он держал дымя-

щуюся кружку и смотрел на парней с самодовольством оленья-вожака, забодавшего всех соперников в округе. Меня как будто кольнуло огромное шило, я собрала воздух в кулак и послала навстречу капитану волну. Она ударила в кружку, та упала, и горячая жидкость залила галерею. На секунду я испугалась своего поступка. Напала на капитана! При десятке свидетелей, середь бела дня.

Капитан Нотис поднял взгляд от разбитой кружки. Я ожидала увидеть в его глазах гнев, огорчение, досаду, но никак не азарт и вызов. Он перепрыгнул перила, ограждавшие галерею, схватил тренировочный меч и мгновенно оказался рядом с бочками.

Я ударила его со всей силы, но он выставил меч и отбил заклинание, словно оно было детской игрушкой из смолы и перьев. Я рванула в сторону, ища укрытие. Курсанты расступились, пропуская меня к мешкам, скинутым в кучу у ворот. Мимо моего уха просвистел нож, который метнул Нотис.

– Вам не хватает точности, капитан! – крикнула я из-за мешков.

– Это было предупреждение, – весело откликнулся он. – В следующий раз бью на поражение.

– Если сможете, – пробормотала я и вновь послала в его сторону волну. На этот раз я задала ей траекторию поворота. Воздух, начиненный магией, сильнее и опаснее ветра, он может менять направление, налетать сзади, скользить вниз или вверх по желанию мага. Нотис не угадал, откуда придет

удар, и его повалило с ног. Он ловко перекатился, прячась за бочкой. Мой удар разбил ее в щепки, а обруч помчался к воротам, как будто искал спасения.

– Сдавайтесь! – предложила я капитану, но его нигде не было видно. Мне стало тревожно. Я высунула нос из-за мешков и вдруг спиной почувствовала опасность. Я вслепую направила удар назад и полезла вверх, цепляясь за мешковину. Капитан схватил меня за шиворот, я попыталась стряхнуть его, но он дернул со всей силы, и мы упали вниз, кувыркнувшись.

Я ударилась о лед спиной и застонала. Капитан сидел на мне верхом и держал меч у моего горла. Хоть и затупленное, оружие выглядело грозно. Моя грудь ходила ходуном, рубашка прилипла к телу, а батистовая сорочка капитана даже не помялась ничуть. И он смотрел на меня таким взглядом, от которого по коже пошли мурашки. Я растерялась.

– Сдаешься? – спросил капитан.

– Никогда! – ответила я и оттолкнула его волной воздуха.

Одно радовало: моего поражения курсанты не видели. Мешки надежно скрывали нас с капитаном от зевак.

Капитан убрал меч и хотел помочь мне встать, но я отвергла его протянутую руку.

– После завтрака жду тебя в кабинете, – сказал он. – За нападение на капитана получишь день работы на кухне. Заодно подкормишься – кожа да кости.

С этими словами он ушел. Певир, подобранный осколки

кружки, неодобрительно покачал головой:

– Ты не в себе, парень! Какого черта ты тут натворил? О чем думал?

Я нахально вздернула нос.

– Вы сказали, надо биться в полную силу. Он был лучшим соперником.

– Дурень, он капитан! Захочет – сгноит тебя в темнице. Еще одна такая выходка, и тебе крышка. Сутки гауптвахты.

– Но капитан уже назначил меня на кухню!

– То был капитан, а это я. Померзнешь немного, авось научишься чему-то. Видали его, бешеный какой!

Парни устало переминались с ноги на ногу. Певир пробурчал еще что-то про «мало битых детей» и «выскочек», а потом отправил нас в столовую, где уже всюду пахло кашей. Родериг, взяв тарелку, подсел ко мне.

– Рин, ты бы поосторожней, – сказал он неуверенно.

– Без тебя знаю!

– Нет, не знаешь! Только заселился, а уже главный задира гарнизона. Какая муха тебя укусила?

Я покосилась в сторону курсантов, поедавших кашу с нечеловеческой скоростью, и тихо спросила:

– У капитана и леди Эны все серьезно?

– Ах вот в чем дело! – воскликнул Родериг, и я зашипела на него, чтобы говорил потише. – Влюбился, да?

– Нет.

– Влюбился! Ха, конечно! Слушай меня, Рин, ты хоть в

зеркало иногда гляди, чтобы не воображать. Она – птица-пава, а ты? Полмужчины в лучшем случае.

Я скептически выгнула бровь. Родериг отодвинул миску и стукнул ложкой по столешнице, словно приканчивал таракана.

– Леди Эна будет моей! – заявил он со всей серьезностью.

– Конечно-конечно. Поколеблется слегка между тобой и капитаном и сделает верный выбор.

Родериг схватил меня за грудки:

– Заткнись! У капитана куча баб, а леди Эна не такая! Не такая, ты понял?

– Понял. Руки убери.

Успокоившись, Родериг повертел ложку, облизнул ее и уложил в миску.

– Не стой у меня на дороге, я тебя смету!

Я едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться, но он бы до смерти обиделся.

– Давай не ссориться из-за женщин, – предложила я. – Мир?

– Мир! – Родериг притянул меня и коснулся лбом моего лба.

Мы вместе вышли обратно во двор и отправились на занятия к лейтенанту Галту. И тут я вспомнила, что капитан велел мне зайти к нему в кабинет. Оправив куртку, я поспешила туда, обдумывая, как лучше повести разговор. На галерее, прислонившись к колонне, стояла леди Эна в белой

шубке и сапожках из кожи ягненка. Длинные светлые волосы струились, как вода.

– Подойди, мальчик, – промурлыкала она. Синева ее глаз была безоблачно яркой, манящей. Будь я женщиной, пала бы к ее ногам незамедлительно. Родерига, одержимого Эной, я теперь хорошо понимала.

Я встала в дюжине шагов от нее. Она маг, и для меня опасна.

– Не бойся, не укушу, – сказала леди Эна и подплыла ко мне. – Я видела тебя на тренировке. Ты живой огонь.

– Благодарю, – пробормотала я.

– У меня для тебя пророчество.

– Пророчество?

– Да. Мой дар – видеть вспышки возможного будущего. Это не значит, что предсказанное произойдет. Судьба – океан, в котором встречаются потоки, отталкивая друг друга.

Как и все гадалки, леди Эна любила изъясняться кудряво и туманно.

– И что же день грядущий мне готовит?

Эна посерьезнела и быстро заговорила:

– Мне явился незнакомый человек в одежде охотника. Он сказал: «Беглец найден и убит своим же оружием. Не меняйся в лице. Стой там, где стоишь». После этого я увидела тебя в ослепительном пламени, и охотник исчез.

Папа! Он нашел способ передать мне послание. Меченый мертв, моя месть потеряла смысл. Надо оставаться в поли-

ции и сохранять личину. Как жаль, что он не пришел в мой сон! Советы ясны, но что за ними стоит? Слишком много вопросов, которые некому задать.

– Мальчик, что с тобой? Ты в порядке? – взволнованный голос леди Эны заставил меня вспомнить, где я нахожусь.

– Да. Просто... вы сказали очень важные вещи. Не уверен, что речь идет о будущем. Скорее, о подсказке на сегодня. Я ваш должник.

Леди Эна сладко улыбнулась, и в ее кошачьих глазах появились озорные искры.

– Мои услуги не бесплатны! – сказала она, постучав тонким пальчиком по щеке.

– Я вас внимательно слушаю.

– Поможешь мне в одном деле, и мы в расчете. Я дам тебе знать.

С этими словами она удалилась по галерее бесшумной походкой ночного хищника. Я смотрела ей вслед, ежась от холодного зимнего ветра.

– Очаровательна, правда? – спросил капитан, подошедший сзади. Я обернулась и смерила его взглядом. – Мой юный друг, нет причин для ссоры. Она не будет ни моей, ни твоей.

Я фыркнула.

– Начинается вьюга. Поговорим в тепле, – сказал капитан, и я поплелась за ним, пытаясь разобраться в собственных чувствах. Когда он дал понять, что у него с Эной ничего нет,

мое сердце пронзила вспышка радости. Если так будет продолжаться и дальше, я влюблюсь в капитана, и это ничем хорошим для меня не кончится.

В кабинете словно прошел книжный дождь: повсюду стопками высились пыльные фолианты, стол похоронили под собой многочисленные свитки, по виду очень древние.

– Разгреби себе где-нибудь, – небрежно бросил капитан. Он уселся на подоконник, скрестив ноги. – Что надумал? Останешься в полиции или предпочтешь душеспасительный труд в забое?

– Обожаю ложные альтернативы, – сказала я. – Действительно, как тут выбрать? Все такое заманчивое!

Капитан ухмыльнулся.

– Согласись, я предоставил тебе некоторую свободу. У других и того нет.

– Будем считать, что вы меня уломали. Остаюсь. Отмените гауптвахту?

– Ни за что! – уперся капитан. – Наказания нужны курсантам, как воздух. Без них учеба не идет.

Вспомнив, как лениво дрались на утренней тренировке мои соседи по казарме, я решила, что Нотис не так уж неправ.

– У меня есть условия! – заявила я. – Первое – хочу отдельную комнату, а лучше дом.

– Аппетиты у тебя неслабые.

– Привык к комфорту, – пожала я плечами. – Второе –

мне нужен доступ к архивам, если они у вас есть.

Капитан с интересом прищурился:

– Что ищешь?

– А вы? – парировала я, указав на свитки.

– Ладно. Оставим пока этот вопрос. Я договорюсь с Галтом, чтобы тебя пускали. Третье будет?

– Конечно! Третье. У меня нет зимней обуви и куртки. Хочу.

– Был бы я джинном из сказки, сказал бы, что третье желание ты потратил зря. Зимний мундир курсанты получают в канун Порога. И еще ожидается вечеринка для своих, в клубе «Квадратный серп».

– Что за дурацкое название?

– Согласен. Я слышал, когда-то он назывался «Квадрат и серп» в честь герба лордов Цест, которые его держали. Лорды обнищали, «и» с вывески отвалилось, кто-то ради шутки изменил название. Посетителям понравилось. Хозяева помучились-помучились и смирились.

Капитан, должно быть, надеялся отвлечь мое внимание от главного, но не вышло.

– К черту байки! Что с комнатой для меня? Дадите?

– Мама тебя совсем вежливости не учила?

– Не было у меня мамы. А папа не считал нужным.

– Оно и видно, – сказал капитан, ничуть не задетый моей резкостью. – Тут, мой мальчик, есть одно обстоятельство, о котором я не упомянул.

Меня охватило предчувствие чего-то дурного.

– Какое обстоятельство?

– Ты в курсе про безумие мага?

– Нет.

– Тогда я тебя просвещу. Так уж повелось, что маги рождаются редко. Во всем Узоре их не больше десятка, включая мастера Осорга, Эну и тебя.

Я не стала говорить капитану, что он ошибается. Маги привыкли прятаться, поэтому сколько их, известно лишь благим богиням.

– Столетие назад, до появления закона о запрете магии, творилось черт знает что. Маги позволяли себе смелые эксперименты и доходили до предела возможностей. А потом случилась вспышка безумия. Четверо магов потеряли контроль над собой и своим даром, направились к королевскому дворцу и перебили охрану. Прошли по этажам, оставляя кровавый след. В общей сложности они убили сто сорок шесть человек. Да-да, так много. К несчастью, дворец готовился к Весеннему балу, и туда съехалась знать со всей округи.

– Как же их удалось задержать?

– Никак! – сказал капитан. – Они убили короля Мовага Второго, а после этого сожгли друг друга. Пожар был виден даже в Сардине.

Потрясенная этой историей, я не нашлась, что сказать.

– Потом вспышка безумия повторилась, но уже в мень-

шем масштабе, – продолжил капитан. – Два мага, работавших на корону, ни с того ни с сего вызвали вихрь, дали ему себя поднять и разрушили квартал Колодцев. До основания. Сами при этом погибли. Были и другие случаи, после чего магию запретили. Закон старается оградить владеющих даром от последствий его применения. И наказание выбрано максимально суровое, чтобы на риск шли те, кто и без магии мог стать отменным головорезом.

– Вы не понимаете магии, потому что ее в вас нет! – сказала я, невольно поднимаясь. – Закон делает магов заранее виноватыми, даже если они ни за что бы не сорвались. Нельзя наказывать за несовершенные преступления! Разве это не очевидно служителю закона?

Серые глаза капитана вспыхнули от холодного гнева.

– Если маги не в силах держать себя в руках, значит, им не место среди мирных граждан.

Он хмуро глянул в окно, за которым плясали снежные вихри.

– Зачем я с тобой спорю? Ты юн, и мало видел.

Я хотела возразить ему, но поняла, что он не готов продолжать разговор. Мне стало стыдно за дерзость и резкий тон, который капитан не заслужил. Он мог бы обойтись со мной гораздо хуже, мог отхлестать у позорного столба за оскорбление офицера, но вместо этого сидел и выслушивал колкости, сыпавшиеся с моего языка.

– Простите, – сказала я тихо.

– Рин, – он произнес имя так нежно, как будто я была его любимой. – Законы плохи, но плохо и беззаконие. Вместе мы сможем найти путь к справедливости, если она, конечно, есть. А пока постараемся использовать все возможности, чтобы сохранить тебе жизнь и здоровье. И вот тут мы возвращаемся к той вещи, о которой я не говорил. Она тебе не понравится.

С этими словами он открыл стол и достал оттуда кинжал – тот, который прервал земной путь отца. В моих ладонях вспыхнуло пламя.

– Вижу, ты узнал его.

– Вы рылись в моих вещах?!

Капитан удивленно посмотрел на меня.

– Разумеется, нет! Этот кинжал хранится здесь с лета. А у тебя, стало быть, есть такой же? Где взял?

– Им был убит дорогой мне человек, – прошептала я.

– Маг, – уверенно сказал капитан.

Я кивнула.

– Этот кинжал называется квилон, или «Убийца магов», его куют в единственной кузне в Узоре, в строжайшем секрете. Считается, хотя я не проверял, что только им можно отнять жизнь мага.

– А обычным оружием?

– Тоже можно. Но бывали случаи, когда сильный маг выталкивал из тела клинок и сращивал раны. Поэтому против мага обычно используют белую драконью сталь. Она, по

неизвестной причине, не дает магии хода. Я читал опус мага Дягила Сардинского, который утверждал, что клинки из драконьей стали вместе с жизнью вытягивают магию, передавая ее убийце.

Меня словно ударило молнией. Вот что произошло в момент смерти отца! Меченый хотел забрать его магию, но я отбросила его и схватилась за рукоять кинжала. Сила вырвалась на свободу, заставив мой огонь опалить небеса, а затем признала нового хозяина. Если у меня раньше и была тень сомнения, не найти ли лазейку, чтобы отказаться от магии, теперь ее не оставалось. Частица отца живет во мне, и я не расстанусь с ней ни за что на свете!

– Наверное, ты хочешь знать, зачем мне этот кинжал? – прервал затянувшуюся паузу капитан Нотис.

– Чтобы убить мага, – сказала я хрипло. – Меня.

– Да. По закону полицейские маги обязаны работать с напарником, у которого при себе квилон. Если маг проявит хоть малейший признак безумия, он будет заколот на месте. Из милосердия, конечно.

– Можно уточнить? Я рискую лишиться жизни только потому, что вам что-то там показалось?

– И в этом случае тоже. Я не допущу резни и магических катастроф на улицах Узора. Правда, вспышку безумия трудно перепутать с чем-то другим. Незадолго до нее маг перестает отбрасывать тень.

Я тут же скосила глаза на пол, чем немало повеселила Но-

тиса. Моя тень была на месте, равно как и мой рассудок.

– Рад, что ты все же слегка в себе сомневаешься, – добродушно заметил капитан. – Следи за собой, и не дай безумию ни единого шанса.

– А что, если оно мной овладеет, когда вас рядом нет?

– Как раз об этом я и собирался с тобой поговорить, но мы заболтались. Твоим напарником должен стать один из курсантов. Полагаю, ты выбрал бы Родерига Фабби.

– Он подходит.

– Тогда решено: пока идет подготовка, он проследит за тобой. Передай ему свой квилон.

– А этот? – я указала на лежавший на столе кинжал, чей зловещий блеск влек меня, как зов сирены.

– Этот останется у меня. По окончании учебы ты перейдешь в мою команду, и твоим напарником стану я.

Я вздрогнула. Меньше всего я хотела получить кинжал в спину и тем более, если убийцей станет капитан. Пусть лучше Певир меня убьет, хоть не так обидно будет.

– Отсюда логично предположить, что ночевать тебе придется или в казармах, по соседству с Родеригом, или в моем особняке. Как тебе такой выбор? Опять ложные альтернативы?

От всего сказанного в моих мыслях царил сумбур. Ютиться в вонючих казармах, ходить вместе с остальными в отхожее место, каждый раз боясь, что личина нечаянно спадет, мыться в общей купальне, куда нас обещали проводить вече-

ром – все это казалось мне ужасным. Но перебраться к Нотису, видеть его постоянно, день и ночь – ничуть не лучше. Внутренний голос шептал мне: не делай этого, держись от него подальше, он – твоя беда.

– Рин?

– Пойдите. Я не готов выбрать прямо сейчас.

– Речь не о сейчас. Ближайшие недели ты проведешь в казармах. Мастер Осорг будет знакомить тебя с азами магии. Квилон, который ты видишь, принадлежал его напарнику, сержанту Войзу, он недавно погиб.

Какая-то недоговоренность повисла, но я не стала уточнять. В тот момент мне было не до мастера Осорга. Гораздо сильнее меня волновало то, что капитан подошел очень близко, и я чувствовала его всей кожей. По затылку побежали мурашки. Я неотрывно глядела на губы капитана, которые приоткрылись, словно готовились к поцелую. Сердце пустилось вскачь. Я ожидала, что капитан коснется меня, но он отпрянул и принялся лихорадочно листать пыльный фолиант.

– Ты свободен, – резко сказал он.

Я встала.

– Последний вопрос, капитан. Мне говорили, женщины не бывают магами, но леди Эна – исключение?

– Вижу, она тебе прямо покоя не дает, – на лицо капитана вернулась игривая улыбка. – Секрет прост – Эна не человек.

– А кто же? – удивилась я.

– Сирена.

Вот как, сирена! Я читала о них и подолгу разглядывала оттиски гравюр в книгах, но везде они были изображены с рыбьими хвостами. С этим как-то не увязывались сапожки леди Эны и ее плывущая походка. Поблагодарив капитана, я спешно покинула его кабинет. Мои ладони от волнения покрылись влагой, и я бы не смогла зажечь на них огонь, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

Родериг с остальными по-прежнему сидели на занятии у Галта. Я поболталась по двору без дела, пока не попала в лапы к Певиру.

– На кухню, чистить коренья! – велел он. – А потом сразу ко мне. Сутки губы, не забыл?

– Губы? – растерянно спросила я.

– Гауптвахты, Рин! Сразу видно, желторотик. Ничего, сделаем из тебя мужика. После Порога пойдешь в увольнение вместе с остальными, и я тебе этого не говорил, но все собираются в дом с фонарем. Чуешь, куда клоню?

– Чую, – вздохнула я. – У меня еще не было женщины.

– Вот! – возрадовался Певир. – А после Порога – будет. Выберешь самую сочную, чтоб дух занялся.

Я прикидывала, как бы ловчее соскочить со скользкой темы.

– Храню себя для невесты. Она в деревне осталась.

– Ну и храни! А баба-то чем помешает?

– Тут, знаете, или одно, или другое. Если моя невеста про-

нюхает, что я загулял, она меня сожрет.

Певир махнул рукой.

– Брось! Девки любят горячих. Короче, ты идешь и точка.

Я согласилась. До Порога пять дней, что-нибудь успею придумать. Заражусь лихорадкой святой Агудины и лягу.

Вечером, перед тем как отправиться в штрафной сарай на холодную ночевку, я отвела Родерига в дальний конец двора, за мешки, вручила ему квилон и объяснила, что с ним нужно делать. Парень пару минут моргал глазами, как сова, а потом принялся кричать:

– Придунок! Ты конченный придунок!

– Не хочешь?

– Конечно, нет! Я не убийца.

– Родериг, тебе и не придется меня убивать. Просто носи его с собой. И следи за моей тенью – поглядывай время от времени. Что тебе стоит?

Родериг со злостью сплюнул, но квилон взял. Со мной он больше не разговаривал.

На гауптвахте у меня было много времени, чтобы обдумать произошедшее. Сарай, где я сидела, почти не спасал от вьюги, и я окружила себя кольцом огня. Незаметно сон сморил меня.

Из густой тьмы появился отец. Он шел не спеша, у его бедра висела тушка фазана.

– Охотился? – спросила я.

Он ничего не ответил. Полный печали, его взгляд говорил

О МНОГОМ.

– У меня мало времени, – сказал отец. – Чтобы передать тебе сообщение, я потратил последние силы и теперь уйду к благим богиням.

– Папа, мне нужно...

– Знаю. Но ответов нет – ни на этом свете, ни на том.

– Капитану Нотису можно доверять?

– Да, – сказал отец. – Но его тайну я тебе не открою. Ты узнаешь ее в свое время и тогда поймешь, что следует делать. У тебя всегда будет выбор, даже если покажется, что его нет.

– Загадки, папа, опять загадки!

– Таков язык мертвых, моя девочка. Будь счастлива, и помни – я здесь.

– Здесь?

– В твоём сердце.

С этими словами он повернулся спиной и шагнул в туман небытия. Я уже не сдерживала слезы. Прощание! Так скоро! Я думала, он будет приходить в мои сны, и хотя бы на краткий миг я поддамся иллюзии, что мы снова вместе. Теперь я действительно одна.

Морозное утро разбудило меня стуком заступов, которыми курсанты разбивали лед во дворе. Я полицейский маг, чей напарник носит острый кинжал, чтобы мои дни окончились достойно. И я совсем, совсем запуталась.

Глава 4

Целый день я провела в сарае без еды и воды, меня согрела только собственная магия и мысли о том, что я найду способ насолить и сержанту Певиру, и капитану Нотису, которые не сумели оценить хорошей шутки. Два раза ко мне в стену скребся Родериг, предлагавший сделать подкоп или просунуть в щель кусок вяленого мяса. Я отказалась.

Вечером Певир отпер сарай, я вышла на свободу. Груда мешков исчезла: курсанты перетаскали их в подвал кухни. Плотный слой снега покрывал двор. Я направилась к казарме на вечернюю молитву, и тут ворота распахнулись. Въехала подвода, на которой лежало покрытое рогожей тело.

– Кого везем? – поинтересовался Певир, кивая вознице.

– Выловили в Ленте у Южных ворот. Свеженький, разбухнуть не успел.

– Эй, Рин, зови лейтенанта Галта, – велел мне Певир, а сам с любопытством приподнял рогожу. – Рыло разбойничье.

На секунду бросив взгляд в сторону трупа, я остановилась, как вкопанная.

– Меченый!

– Кто? – удивился Певир. – А, ты имеешь в виду пятно? Да, приметная личность.

Я подошла к подводе на негнущихся ногах. Услышав послание, которое передал леди Эне отец, я слегка сомнева-

лась, правда ли это. И сны, и пророчества часто не сбывались, люди слишком легко поддавались искушению поверить в фантазии, порожденные надеждами и страхом. Но Меченый мертв, и я знала об этом еще вчера!

Порыв ветра закинул рогожу обратно на искаженное мучкой лицо, и Певир сурово пихнул меня в сторону архива искать Галта.

– Как я его узнаю?

– Мрачный и похож на черта под Порогом. Не ошибешься.

Архив находился в башне, примыкавшей к основному зданию полицейского управления. Лестница по старинке освещалась факелами, а не солнечной рудой, деревянные ступени скрипели и охали. Поднявшись на пролет выше, я увидела большое помещение, заставленное шкафами. Книги – тысячи книг – под слоем пыли громоздились друг на друга. Свитки, стопки исписанного и зачищенного пергамента, клочки бумаги, обломки перьев, чернильницы густо усеивали пол. Среди этого беспорядка виднелась породившая его фигура лейтенанта Галта. Он был старше капитана Нотиса и гораздо вреднее на вид. Темные с проседью волосы свисали на лоб, длинный нос с горбинкой казался острым, как клюв поползня. Лейтенант не походил на бойца: слишком худой и неловкий в движениях. И магии в нем тоже не чувствовалось.

– Кто это ко мне пожаловал? – раздался голос Галта. – Неужели наша новая знаменитость, мальчик-маг?

– Зовите меня Рин, лейтенант.

– Я буду звать тебя, как захочу. Например, Заноза. Нет, пожалуй, слишком серьезно, могут решить, что ты чего-то стоишь. Колючка – вот подходящий вариант!

Мне стало ясно, что я имею дело с законченным самолюбцем, у которого украли кусочек славы. Играть в его ядовитые игры желания не было, особенно после суток гауптвахты, поэтому я сделала вид, что ничего не слышала.

– Сержант Певир просит вас спуститься во двор. Привезли труп.

Галт отложил в сторону свиток, и тот с большим удовольствием скрутился обратно, словно еж при виде лисы.

– Иду! – коротко сказал лейтенант.

Я не собиралась его дожидаться и спустилась по лестнице первая. Галт не спеша шел за мной. Странно, что при его появлении факелы не погасли! Он своим угрюмым лицом мог уничтожить на корню даже пламя в пасти дракона.

Галт приблизился к подводе и распорядился, чтобы тело перенесли в мертвецкую. Он на ходу натянул перчатки из воловьей кожи. Певир пригнал двоих курсантов, они, пыхтя, стащили Меченого с подводы и поволокли вслед за бодро марширующим Галтом. Я увязалась следом.

– На стол! – приказал Галт, поджигая колбы с солнечной рудой. Помещение осветилось, и я увидела настоящую пыточную: металлические столы с ремнями для удерживания тел, крючки – маленькие, средние и огромные, ножи, банки,

из которых тарасились разнообразные уродцы. Курсанты и ухом не повели – видно, уже были здесь, а я не удержалась и ахнула.

– Колючка, вон отсюда! – рывкнул Галт. Курсанты переглянулись.

– Пожалуйста, можно мне остаться? Я хочу посмотреть!

Галт изумленно поднял брови.

– Да? Похоже, ты и правда сумасшедший. Тем лучше. Оставайся, только не мешай и не лезь под руку.

Курсанты ретировались, а я присела на стул. Галт осматривал труп и бормотал, записывая что-то на грифельной доске.

– Мужчина, рост девять ладоней, вес одиннадцать камней. Волосы светлые, на щеке шрам от ожога размером в одну треть ладони.

С одежды Меченого стекала вода, под столом образовалась лужа. Галт срезал с трупа одежду и констатировал:

– Смерть наступила от колющего удара в грудь, предположительно, кинжалом длиной в две ладони.

– Квилоном, – тихо сказала я. – Вот чем его убили.

Галт обернулся ко мне.

– Я же простил не мешать! – но тут же с подозрением спросил. – Откуда знаешь?

Похоже, придется раскрыть кое-какие карты.

– Когда я жил на севере, с семьей, у меня был друг, тоже маг, как и я. Этот тип явился к нему в дом и убил его кинжа-

лом. Потом сбежал в Узор и спрятался. Я искал его месяц, до того как угодил сюда.

Лейтенант пронзил меня взглядом черных, как вороново крыло, глаз.

– Расскажи мне то, что утаил. Место преступления. Точное время. Детали.

– Давайте договоримся. Я выдам вам часть истории в обмен на то, что вы не будете выпытывать остальное.

– Не пойдет, – отмел мое предложение Галт. – Это не торги, Колючка. Мы расследуем преступление, и здесь любая полуправда – путь к поражению и позору.

– Тогда я вообще ничего не скажу, – уперлась я.

– Пытки? – протянул Галт, разглядывая длинный крюк, которым только что копошился в ране.

– Удар огнем? – в тон ему сказала я. – Потом сбегу.

– Благие богини! Ты несносное дитя! Говори, что знаешь. Остальное пусть из тебя капитан выбивает, а я не охотник до подобных развлечений.

Не вдаваясь в детали, я описала ему обстоятельства, при которых погиб отец и погоню, что за этим последовала. Галт прекратил мучить труп и сосредоточенно слушал.

– Твоя идея, что магия может перетечь через кинжал в другое тело, весьма правдоподобна, – заметил он.

– Не моя, лейтенант. Дягила Сардинского.

– Дягил – теоретик, исследователь металлов. А ты – живое свидетельство того, что магия отделяема от человека. И я

вижу в этом большую опасность для магов. В частности, для тебя.

– Опасность?

Галт вздохнул и снял перчатки, кинув их в кювез с инструментами.

– Колючка, учись мыслить, как полицейский. Рассмотрю возможные версии. Неизвестное лицо является к магу, чтобы убить его. Ты утверждаешь, хотя я и не знаю, на каком основании, что это не было мезтью или ограблением. Логично предположить, что Меченый собирался похитить магию твоего друга. И тут в дело вмешиваешься ты – неучтенный фактор. Убийца бежит, даже не пытаешься заколоть тебя. Я бы на его месте все-таки попробовал, дождавшись, когда ты закончишь полыхать.

– Какое счастье, что вас там не было! – проворчала я. – А то бы мне крышка.

– Вряд ли Меченый обладал большими силами, – продолжал Галт, игнорируя мое брюзжание. – И он по какой-то причине боялся огласки. Хотел сделать все по-тихому, а не вышло.

– И что это может означать?

– Сдается мне, он планировал играть в долгую. Похитить магию у нескольких человек, чтобы накопить больше сил. Для чего? Скольких он убил до того, как явился к твоему другу? Работал ли он один, или есть другие – напарник, сообщники, банда? Стоит ли за ним более сильный маг, кото-

рый его убил, чтобы забрать накопленную магию?

Сказанное Галтом звучало пугающе. Квилон гораздо опаснее, чем мне казалось. Мысли метались в голове, как снежинки в ледяной круговерти метели.

– Лейтенант, а если мы ошиблись, и магию нельзя забрать? Тогда мы пойдем по ложному следу.

– Именно поэтому, Колючка, полицейские выдвигают несколько версий и проверяют все, включая самые невероятные. Завтра утром зайди к капитану, обсудим план действий.

Галт вновь натянул перчатки и нетерпеливо передернул плечами, давая знак, что мне пора уходить.

Я вышла во двор и посмотрела на звезды: вот корона Таи, полная самоцветов, а это цветок Теи, нераскрывшийся бутон. Поодаль от него мерцает воспаленный глаз Тои, следящий за живущими. Когда его веки сомкнутся, наступит конец мира. Три богини – девочка, женщина и старуха – смотрели на меня с небосвода, и я помолилась им, чтобы найти поскорее тропу, по которой приду к себе, к ответам на вопросы, от которых зависела судьба.

Тот, кто убил Меченого, мог быть другом или врагом. Если Галт прав, на магов открыта охота. Если он ошибается, Меченый получил по заслугам, и его страница в великой книге бытия навсегда закрыта. Размышляя об этом, я вернулась в казарму, тускло освещенную единственным светильником. От печи волнами расходилось тепло, курсанты спали, сотрясая храпом бревенчатые стены.

– Колючка? – пробормотал Родериг, приподнимаясь на локте.

– И ты туда же! – обиделась я. – У меня вообще-то имя есть.

– Кому оно теперь нужно? Привыкай, тут у всех клички.

– У тебя какая?

– Разрушитель.

– Ха! Так я и поверил. Может, Кашеед? Или Решето?

Родериг сел на кровати, раздумывая, не намять ли мне бока прямо сейчас.

– Вот ты как, да? А я тебе еды припас, неблагодарному.

– Давай сюда! – чуть не завопила я, отбирая у него завернутые в тряпку ячменные лепешки с тмином. Их хватило на один укус. Богини, до чего я голодна! Лепешки раззадорили мой аппетит, я начала прикидывать, как покинуть казарму незамеченной и добраться до таверны. Можно еще совершить налет на кухню, где наверняка остались продукты.

– Даже не думай, – предупредил Родериг. – За самовольную отлучку ночью – порка хлыстом. Давно не валялся голой задницей кверху?

Оценив перспективы, я решила, что надо побережь нежные части организма.

– Чеснок, – вдруг сказал Родериг.

– Что?

– Моя кличка – Чеснок.

Я улыбнулась и натянула до подбородка шерстяное одея-

ло. «Убийца магов» зловеще блестел из-под матраса Родерига-Чеснока.

На следующий день комендант Кушир выдал мне полицейскую форму: серую куртку на заячьем меху, теплые штаны и подштанники, смену рубах – не из батиста, как у капитана, а из небеленого холста, высокие сапоги и шапку.

– Порвешь, будешь ходить нагишом, – сурово предупредил Кушир, разглядывая заплатки на моей одежде. Почти все вещи, что я имела, были поделками матушки Зузанны, которая перешивала для меня обноски Хойла.

Принарядившись, я с удовольствием рассмотрела себя в зеркале возле кабинета капитана. Ай да я, как возмужала! Парень хоть куда, только вот шея тонковата – стебелек одуванчика и то солидной смотрится.

– Броган! – раздался из кабинета громкий голос капитана. – Это не обсуждается!

Кажется, происходит что-то важное! Я тут же шмыгнула в кабинет. У капитана Нотиса на скулах гуляли желваки. Стоящий рядом с ним лейтенант Галт изучал природу за окном.

– Рин! – сказал капитан, меняя тон. – Мы решаем вопрос, куда тебя определить на ближайшие недели.

– Разумнее остаться в казармах, – промолвил, не оборачиваясь ко мне, Галт. – И бросить все силы на магические тренировки с Осоргом, пока он еще на ногах стоит.

– Если убийца проникнет в часть, мы можем лишиться обоих магов разом. Как бы ни была важна учеба, Осорга и

Рина надо разделить.

– И ты уверен, что в своем особняке обеспечишь ему безопасность? – ехидно спросил Галт. – Тогда вспомни, какую цену мы прошлый раз заплатили за твою самоуверенность.

Капитан помрачнел:

– Мы рисковали. Войз это тоже знал.

– Тем не менее результат таков, что мы потеряли опытного бойца, а Осорг замкнулся.

Похоже, эти двое вообще не интересовались моим мнением.

– Господа, – громко сказала я. – Казармы мне надоели, там ужасно жесткие матрасы. Капитан, где, вы говорите, ваши хоромы?

Капитан и лейтенант, которые мгновение назад готовы были вцепиться друг в друга, как два помойных кота, крикнули от удивления.

– Вот как! – протянул Галт. – Матрасы ему не понравились.

Капитан просиял.

– Тогда решено – переезжаешь ко мне. Собирай вещи.

– И Родериг тоже едет.

Нотис сначала побелел, потом побагровел. Его рот открылся и закрывался сам собой, и Галт, глядя на него, захохотал. Наконец капитан взял себя в руки и медленно произнес:

– Нет. Фабби остается в казармах.

– Если так, я тоже никуда не еду.

Я не успела и глазом моргнуть, как Нотис оказался рядом и прижал меня к стене.

– Ты переедешь один, понятно?

– Пустите!

– Пущу, когда перестанешь нести чушь.

– Хватит, Оден, – миролюбиво сказал Галт. – Колючка дразнил тебя, а ты повелся.

Капитан резко отдернул руки и прошагал к столу.

– Уходите оба! – велел он.

Мы с Галтом покинули кабинет.

– Не в духе, – усмехнулся лейтенант. – Кажется, святая Марита все-таки прокатила его на вороных.

– Марита? На вороных?

– Я тебе ничего не говорил.

И мы разошлись: Галт отправился в архив, а я на утреннюю тренировку. После завтрака, когда все курсанты ушли в архив учить законы, я познакомилась с Жилем Осоргом. Наша встреча была печальной и во всех смыслах неприятной. Мастер Осорг выглядел, как сгоревшая спичка: еще не сильно старый, но уже согнувшийся, он мало говорил, и его голос напоминал карканье. На меня он смотрел как на вражеского лазутчика, приползшего добыть языка. В жестах, позе, движениях мага сквозили усталость и раздражение.

– Разбей камень, – велел он мне, указав на булыжник во дворе.

– Отсюда? Я не сумею.

– Делай, как я сказал, – процедил Осорг. – Или выметайся.

Я мысленно потянулась к камню, направляя на него силу.

Камень остался целехонек. Осорг отвесил мне подзатыльник, и я, не сдержавшись, подожгла его мантию. Лисий мех на оторочке завонял паленым.

Осорг жестом усмирил пламя.

– Разбей камень, – сказал он тускло.

На этот раз мне удалось создать небольшую трещину.

– Ленивый маленький червяк, – презрительно скривился

Осорг. – Будь моя воля, ты бы таскал навоз с конюшен, а не магией баловался. Сосредоточься. Что дробит камень?

– Молот? – предположила я.

– Обрати мысленно магию в молот. Ударь.

Я попробовала. Трещина на камне стала больше.

– Убирайся, бездарность. Не желаю больше учить тебя.

С этими словами он вытолкнул меня из комнаты и хлопнул дверью так, что повалилась труха. Злая, как все демоны мира, я выбежала во двор и отвела душу на соломенном чучеле, которому досталась сотня ударов учебным мечом.

– Вижу, с Осоргом ты не сговорился, – сказал капитан, выходя на свежий воздух.

– Дряхлый. Тупой. Крот, – пропыхла я, навешивая удары. Чучело не выдержало напора и рухнуло.

– А теперь подумай, как бы ты себя чувствовал, если бы потерял единственного человека, которого любил.

– Уже подумал, потому что недавно потерял!

– И ты уверен, что ничем, совсем ничем не напоминаешь Осорга?

Я прекратила пинать остатки чучела и посмотрела на капитана. Его волосы трепал ветер.

– Идите в кабинет, простудитесь! – сказала я.

– Спасибо за заботу, Рин. Как взойдет луна Тои, поедем домой. В хоромы.

Он ушел, а я стояла на соломе, скармливая вьюге остатки тепла, пока меня не позвал Галт, показавшийся из мертвецкой.

– Колючка, быстро ко мне!

Я побежала к нему. Труп Меченого исчез, вместо него лежало женское тело, небрежно одетое.

– Кто она?

– Проститутка из квартала фонарей. Убита ядом, – Галт отодвинул грифельную дощечку, густо исписанную цифрами, поморщился и сказал. – Но я не для этого тебя позвал. Возьми коробку с вещами с полки – вон ту, с серым кантом.

Я сделала, как он сказал. На дне коробки лежал небольшой медальон из зеленого золота.

– Знакомая вещь? – спросил Галт. – Только руками не трогай!

– Да, – прошептала я. – Это медальон па... моего друга.

– Нашел у твоего Меченого в глотке.

Цепочка медальона была разорвана. Наверное, Меченый

сдернул его с шеи отца за мгновение до того, как нанести роковой удар.

– Ты имеешь представление, что это такое? – спросил с нажимом Галт.

– Нет. Думал, просто память о ком-то. О женщине.

– В некотором смысле ты прав. Твой так называемый друг – кстати, как ты мог дружить с человеком на тридцать лет тебя старше? – являлся членом секты богоборцев, которую разогнали задолго до твоего рождения.

– Лейтенант, – возразила я. – Вы сами учили меня рассматривать все версии. Что, если мой друг купил этот медальон на блошином рынке? Или нашел в лесу?

– У меня есть основания полагать, что было иначе.

Галт присел на стул и замолчал.

– Оден велел мне заняться твоим образованием, – сказал он наконец. – Похоже, придется начать прямо сейчас.

Я тоже села, готовая на все, лишь бы узнать об отце побольше.

– Как зовут нынешнего короля? – неожиданно спросил Галт.

– Игмар Первый, – неуверенно сказала я.

– Верно. А кто правил до него?

– Релов Третий.

– Так вот, при короле Релове процветали разные культы и секты, и он их все поощрял, будучи ярким противником трех богинь. В год Белого кота, когда он только принял корону из

рук дяди, к нему явилось несколько человек, среди них один маг. Они пообещали, что если король даст им некую сумму денег, они построят храм демона Иллока и покончат с богинями навсегда. В народе их называли богоборцами или долгопятами за туфли с ватным задником, которые они носили.

Я демонстративно зевнула.

– Колючка, когда-нибудь я вскрою и твой труп. Помни об этом.

– Мне тогда будет уже без разницы. А пока я рискую подохнуть от скуки.

Галт усмехнулся.

– Ты неуч, и хлыст по тебе плачет. Так о чем, бишь, я? О долгопятах. Деньги, данные королем, благополучно растворились в тумане, недостроенный храм Иллока стал домом для бродяг, а богоборцы принялись совершать налеты на церкви, причем не стеснялись грабить при свете дня. Король приказал их уничтожить, они залегли на дно. Кстати, именно в тот момент они перестали ковать медальоны.

Я наострила уши. Галт заметил мой интерес, и в его глазах промелькнула искра.

– Долгопяты считали, богинь можно выгнать из Хрустальных чертогов и уничтожить. В доказательство этого они собирались на холме Стервятников в сезон звездопада и делали вид, что сильно тянут за невидимую веревку. Когда падала звезда, они бежали в лес и приносили оттуда куски солнечной руды – тогда она еще была в диковинку. Горожа-

нам страшно нравились их представления, кто-то даже верил, что долгопяты убивают звезды.

– Но медальон-то из зеленого золота, не из руды!

– Да. Если ты думаешь, что долгопяты были сплошь идиотами, ты ошибаешься. Им нужно было внимание, как любому культу, иначе бы они лишились поддержки и денег. Их лидеры понимали, что звезды не уничтожить, и вообще не интересовались астрономией. Они старались привлечь в секту магов и усилить их способности, чтобы дожидаться одного события, которое предсказал великий прорицатель Юй Горняк. Он сказал, что во время парада лун богиня Тая сойдет с небес и родит в пещере огненное дитя, которое будет править миром и подарит всем небывалые силы. Долгопяты собирались убить богиню и ее ребенка, чтобы иметь монополию на силу.

– Лейтенант, вы, кажется, сказали, что они не были идиотами. Но я вижу существенное противоречие.

– Твоя правда. Звучит так, будто долгопяты купились на сказку, рассказанную ярмарочным шарлатаном. Однако таковы факты. В свободное от ожидания богини время они активно занимались трансмутацией золота, и в результате получили металл, похожий на него по свойствам, но почему-то с зеленым оттенком. Я далек от алхимии и не берусь судить о том, какова формула вещества. Важно то, что богоборцы верили в чудодейственные свойства нового металла. В самом деле, он был слегка необычен. Едва коснувшись кожи, при-

липал к ней и отваливался только в момент смерти. В остальном же, насколько я могу судить, не отличался ни от золота, ни от того же железа. Магом никого не делал, здоровья не улучшал.

Если сказанное Галтом правда, значит, Меченый, скорее всего, не пытался украсть медальон. Когда я скинула его с отца, цепочка могла зацепиться за одежду и отлететь вместе с ним. Но как медальон оказался в глотке? Меченый решил его съесть?

– Зачем цепочка, если медальон и так держался?

Галт пожал плечами.

– Наверное, чтобы было меньше вопросов.

– Лейтенант, я очень благодарен вам за этот рассказ. А теперь можно мне уйти? Я должен кое-что обдумать.

Было видно, что Галт заинтригован, но все же он без лишних слов отпустил меня. Я вышла из мертвецкой и сама отправилась в холодный сарай, куда никто носа не совал. Мне хотелось побыть одной.

Существовала некоторая вероятность, что богоборцы дождались сошествия на землю Таи и смогли выкрасть ее ребенка. Также было возможно, что этот ребенок – я. Отец сказал, что жалеет о прошлом и хочет забыть свое прежнее имя. Был ли он тем самым магом, что основал секту? Участвовал ли в создании зеленого золота?

Кер нашел меня в пещере, но не смог убить и вырастил, как дочь. Он не хотел, чтобы я узнала о своем происхожде-

нии, и не открыл мне его тайну ни при жизни, ни после смерти. Я зажгла на ладони огонь и вгляделась в его сердцевину. Ответов опять не было. Загадки множились, как тараканы за печкой. В конце концов, я решила, что не столь важно, являюсь я ребенком Таи или нет. Править миром желания не было, раздавать силу направо и налево я тоже не собиралась. Даже лучше, что я просто Рина Од из Пичуги, за мной не охотятся спасшиеся от тюрьмы, полубезумные сектанты. Отец обеспечил мне безопасность, и если бы он считал нужным открыть мне больше, он бы сделал это. Он редко ошибался и никогда не рисковал понапрасну.

Я очнулась от раздумий, когда Родериг вышел во двор и принялся истошно звать меня.

– Чего?

– Опять на губу попал, Колючка? Нарвался?

– Просто отдыхал.

– В сарае? Ты больной, как есть больной! Иди, тебя капитан ждет и уже рвет и мечет. Я твое барахло в узел связал. Давай, рысью к крыльцу. Карета подана.

В карете сидел недовольный капитан и барабанил пальцами по бархату сиденья.

– Где тебя носило? – спросил он, когда я уселась напротив.

– Раздумывал, не бог ли я.

– Достойная мысль, – одобрил капитан. – Надо всегда учитывать подобный поворот событий.

– А как вы считаете, я мог бы править миром? Или хотя

бы Узором?

Неожиданно капитан вздрогнул и бросил на меня опасливый взгляд.

– Стало быть, могу, – заключила я.

– Знаешь что, давай оставим эту тему, – предложил Нотис. – Мне как-то нехорошо стало. В моей карете сам владыка живущих. Я от такой чести едва дышу.

Карета тронулась, и я уставилась в окно. Мы выехали из Медного квартала и направились к кварталу Башен, где я еще не бывала. Когда-то здесь располагалась слобода, в которой жили маги. Потом они впали в немилость и оказались вне закона, в пустовавшие дома перебралась знать. Удобное местечко! От квартала Башен до королевского дворца полчаса пешего хода.

Особняк Нотиса, барона Вир, был самым захудалым из всех виденных мной. Ни мраморных колонн, ни парадного крыльца, ни торжественного убранства у него не наблюдалась. Стены, выкрашенные в тошнотворный желтый цвет, шелушились, во дворе грозно торчали черные прутья репейника.

– Моя семья обеднела, – с улыбкой пояснил капитан.

– По миру пошли? Как же ваше жалование?

– С трудом хватает на ремонт.

– А слуги?

– У меня их нет. Все сам. Надеялся, что ты кое-чем пособишь: штопкой помаленьку, ужинами.

Я поперхнулась.

– Вы меня охранять собирались, или бесплатного поденщика себе нашли?

– Услуга за услугу, – весело сказал капитан. – Кстати, у меня со вчерашнего дня стирка приготовлена. Теплую воду натаскаю.

– Капитан, это рабство!

– Не рабство, а забота о своем любимом начальнике, который, приходя со службы, трудится прачкой, поваром и плотником.

– А теперь он радостно взвалит это на несчастного мага? Да если бы я знал, что у вас тут не особняк, а хлев для скотины, остался бы в казармах. Там хоть кормят.

– И тут кормят, – пообещал капитан. – Собственные умелые руки.

Карета остановилась. Выйдя из нее, я обнаружила, что на дверях выбит не герб Виров – ветвь лещины, а знак полицейского управления – круг, перечеркнутый вертикальной чертой, символические щит и меч. Даже карета у Нотиса служебная!

Посмеиваясь, капитан отпер дверь и пустил меня в дом. Внутри было холодно, почти как снаружи, только ветер не дул.

– Каждый топит свой камин сам! – предупредил капитан. – Дрова наколоты, лежат в подвале. Пойдем, я покажу твою комнату.

Мы поднялись по лестнице, которая лет сто назад наверняка была шикарной, а теперь выглядела как жертва погрома. На втором этаже располагались спальни. Капитан вошел в одну из них и сказал:

– Как тебе? Если не нравится, есть еще три на выбор. Но они больше, и к утру в них можно окоченеть.

– Эта сойдет, – ответила я. В любом случае, в ней было лучше, чем в лесу, и уютнее, чем в казарме.

– Когда-то здесь жила моя бабушка, – добавил капитан ровным голосом. – А за этой стеной спальня деда. Там теперь живу я.

Супружеские спальни, как это водится, соединял проход.

– Капитан, вы понимаете, какие слухи о нас пойдут? – рассердилась я.

– Какие?

– Всякие. Живем вместе, спим по соседству.

– В казармах все то же самое, и никто не переживает.

– Там по шесть человек в комнате! А здесь мы на весь дом вдвоем.

– По выходным ко мне приходит служанка, – заметил невинным тоном Нотис.

– Вас вообще не волнует репутация? – взорвалась я.

Капитан нашел глазами зеркало, картинно поправил волосы и сказал:

– Ах, мою репутацию давно было пора испортить!

Меня охватил озноб. Неужели?!

– Я вам нравлюсь? – спросила я чуть резче, чем собиралась.

– Рин, любимый, – воскликнул капитан. – Ты догадался! Глядя на мое растерянное лицо, он покатился со смеха.

– Богини, до чего ты простодушен! Пожалуй, это даже мило, но тебе надо научиться лучше скрывать свои чувства, если ты желаешь преуспеть в полиции. Успокойся, мужчины, а тем более мальчики меня не интересуют. Я влюблен в одну прекрасную особу, чье имя предпочел бы не называть.

Мое сердце словно подхватил смерч и поволок вверх, а потом обрушил на скалы. Растерянность, боль, досада смешались воедино, и это зелье мне предстояло испить до конца уже в одиночестве, потому что капитан ушел в свою комнату, насвистывая глупейший мотивчик.

Он влюблен в другую! Я старалась думать о том, что это хорошая новость, ведь я так быстрее освобожусь от любовного наваждения. И все равно душу точила мысль, что будь я собой, у меня был бы шанс привлечь его внимание. Струящееся платье с вырезом на груди, лайковые перчатки, атласные туфельки, высокая прическа с локонами. Я взглянула в зеркало и увидела в нем мальчика в серой куртке, в глазах у него стояли слезы.

Надо заняться делом. Разжечь камин. Все хорошее начинается с горящего камина.

Глава 5

Наступил канун Порога года, который пришелся на звоник, десятый день недели, выходной. Я ожидала, что магия как-то проявит себя, ведь мне исполнилось восемнадцать. Но отец мог и не знать, когда я родилась. На всякий случай я сидела дома, а капитан Нотис уехал в клуб. Он настойчиво звал меня с собой – я отказалась и пожурила его за расточительность. Членство в клубе стоило пятьсот крон в год, этих денег хватило бы на ремонт фасада и частично крыши. Но капитан предпочитал вести респектабельный образ жизни – напоказ. А потом, как нищенка, стирал в тазу рабочий мундир.

В отсутствие капитана я забрела в портретную галерею Виров и долго рассматривала прекрасные, хотя и сильно пострадавшие от времени картины. Женщины в разнообразных, дорогих нарядах, мужчины в доспехах. Почти все карглазые и темноволосые, лишь двое или трое были иными. Похоже, капитан родился от соседа.

Когда он вернулся, слегка пьяный и очень довольный, мы вместе посидели у горящего очага. Я ела принесенные им груши в сахаре и старалась гнать подальше плохие мысли. Капитан шутил, рассказывал, как граф Вантог поставил на кон собственное ухо и проиграл.

– У меня есть подарок, – неожиданно сказал он, не dokon-

чив рассказа про графа. – Держи.

Он достал из шкафа коробку, перевязанную атласной лентой. Я неуверенно взяла ее и открыла. Внутри лежала книга, потрескавшаяся кожа обложки была исписана рунами высокой речи.

– Это дневник мага. Здесь описаны заклинания, которые он использовал, и некоторые другие полезные вещи.

– Спасибо, – сказала я растроганно. – Простите, но я не подумал... У меня нет подарка.

– О, не проблема! – воскликнул капитан. – Утром можешь приготовить мне завтрак. Я предпочитаю яичницу-болтунью, поджаренный хлеб и варенье из королевских яблок.

– Капитан, вы невыносимы.

– Стараюсь, мой мальчик, стараюсь.

Я пролистала книгу. Почерк мага хорошо читался. В некоторых местах встречались рисунки.

– Кто он был?

– Один старый хитрец, который любил тайны.

Капитан встал, похлопал меня по плечу и отправился наверх, а я осталась в гостиной и принялась читать дневник. Меня потихоньку сморил сон.

Я стояла на поляне, окруженной вековыми соснами. Навстречу мне шла женщина в белом платье. Ее длинные рыжие волосы развевались, хотя ветра не было.

– Здравствуй, девочка! – сказала она и взяла меня за руку. – Пойдем, надо спешить.

– Ты моя мама?

Но женщина ничего не ответила. Лес исчез, мы поднимались по длинной узкой лестнице, висевшей среди звезд. Я испугалась, что рухну в бездну. Женщина крепче сжала мою ладонь и ускорила шаг.

Мы очутились перед аркой, из которой бил свет.

– Закрой глаза и скажи, да или нет?

Вот он, выбор мага!

– Да.

– Шагни вперед.

Я шагнула, и моя нога по колено провалилась во что-то мягкое.

– Глаза можно открыть, – шепнула женщина.

Вокруг стелился туман, белесый, непроницаемый. Впереди изливал свет огромный золотистый шар. Такой же, только оранжевый, висел рядом со мной. Женщина исчезла, оставив меня одну. Я не понимала, что нужно делать, и бродила в тумане, как овечка, оторвавшаяся от стада. Когда стало ясно, что никто мне не даст совета, я попыталась коснуться одной из светящихся сфер, но она уклонилась. Другая сделала то же самое при моем приближении. Я махнула рукой и спустилась вниз по лестнице, стараясь не думать о том, что вот-вот споткнусь и полечу вверх тормашками.

Потом наступила темнота.

Я проснулась в кресле перед камином, изрядно озябшая. Стоявший в проеме двери капитан удивленно меня рассмат-

ривал:

– Вот до чего доводит любовь к чтению!

Я что-то буркнула и поплелась на кухню.

– Сливовое варенье? – уточнила я, шаря среди банок.

– Яблочное. И про яичницу не забудь, – сказал Нотис и подал мне восемь яиц.

Я принялась готовить завтрак. Жаль, что на кухне не нашлось сушеных мухоморов, вот бы подсыпать ему в тарелку! Чтобы не ухмылялся победно.

– Слышал, после вечеринки Певир поведет вас в дом с фонарем, – Нотис густо намазывал вареньем ломоть хлеба и силился не улыбаться, но у него плохо получалось.

– Я не пойду. В отличие от вас я мужчина свободный.

– Не вижу логики! Как раз – тебе и карты в руки.

– Не нуждаюсь, – отрезала я.

– Брось, Рин, ты просто трусишь! – капитан пихнул меня кулаком в плечо, и я чуть не хлопнулась со стула. – Женщин не было, да? Ни одной, хоть плохонькой?

– Попрошу оставить мою личную жизнь в покое!

– На словах ты, получается, Колючка, а на деле...

Капитан задумался, подбирая слово.

– Демоны с вами, пойду! Пойду и возьму самую красивую, чтобы вы померли от зависти.

Капитан одобрительно кивнул.

– Вот! Узнаю моего Рина. Давай, повеселись, а потом доложишь мне об успехах в письменной форме.

Я вскочила, и стул свалился на пол. Капитан невозмутимо поедал бутерброд. Пора сбить с него спесь.

– Капитан, перед вашим кабинетом висит зеркало.

– Висит, – подтвердил капитан. – Мне на радость.

– А вы в курсе, что любой маг может увидеть через него, чем вы в кабинете заняты?

Капитан недоверчиво изогнул бровь.

– Докажи!

Я усмехнулась и повела его в свою спальню, где тоже висело зеркало, и как раз на общей с комнатой капитана стене. Мое заклинание ударило по блестящей поверхности, и на ней отразилась расхристанная кровать, комод, из которого свисали вперемежку чистые и грязные рубахи, зайтонский ковер с примятым ворсом и ночная ваза, к счастью, пустая.

Капитан охнул и заслонил собой зеркало.

– Не смотри! – замахал он руками. Я вернула зеркалу первоначальный вид. – Ты подглядывал за мной?

– Конечно. Только этим и занимаюсь в редкие часы досуга.

– Рин, я серьезно!

– И я серьезно.

Капитан снял зеркало и поволок его в чулан.

– Эй, стойте, а как я прихорашиваться буду?

– Перебьешься.

– Повесьте хотя бы на другую стену.

– Ну уж нет! Я тебя знаю, что-нибудь учудишь.

Раздосадованная, я метнула в камин сгусток огня, и потухшее полено вновь занялось. Ну ничего, в тазик с водой погляжу, если понадобится. После выноса зеркала мне стало ясно, что капитан что-то от меня скрывает. Разузнать – дело чести!

На вечеринке в клубе «Квадратный серп» собрались полицейские, курсанты и стражники, охранявшие подходы к городу. Пиво текло рекой, сбившиеся с ног подавальщики носили в зал гуся за гусем, от которых в мгновение ока оставались обглоданные кости. Лейтенант Галт с мрачным и неприступным видом сидел в углу, делая вид, что читает книгу. Капитан вместе со всеми горланил солдатскую песню, в которой женские груди, бедра и то, что между ними, упоминались в каждом куплете по сорок раз. Родериг набрался быстрее всех и пускал слюни в капустную закуску. Курсант Зибик и его лучший друг Ботой шушукались в углу и замышляли что-то коварное. Леди Эна, которую невесть каким ветром занесло в эту клоаку, сидела во главе стола и расточала медовые улыбки соседям. Очарованные ею полицейские стонали от восторга и требовали, чтобы она станцевала на столе. Я подумала, что она их сейчас осадит или раздаст пощечины, но вместо этого сирена скинула сапожки, забралась на стол и принялась изящно покачивать бедрами.

Разговоры прекратились. Курсант Шуп подавился гусем, а сержант Певир – брагой. На леди Эну смотрело десять дюжин влюбленных глаз. Нет, пожалуй, чуть меньше. Капитан в

шутовской шапке, натянутой до носа, весело свистел и изображал страсть, но было видно, что он не всерьез – по крайней мере, мне хотелось в это верить. Галт продолжал читать книгу. Мастер Осторг, затащенный в клуб силой, изучал собственные пальцы, словно хотел убедиться, что ни один не сбежал.

Запах хвои заставил меня насторожиться. Леди Эна мелодично мурлыкала и сбрасывала босой ступней пустые бутылки, которые ей подставляли поклонники, Осорг, казалось, задремал. Его кулак сжался, и ножка стола с хрустом переломилась. Я прыгнула и подхватила падающую сирену на руки, но не удержала и мы рухнули на пол под крики толпы. Вслед нам покатались свечи, кружки и блюда с огрызками.

Я ударилась затылком так, что свет померк перед глазами. Сирена лежала на мне, невредимая и растерянная. К нам с разных сторон подбежали парни, леди Эну увели, а я осталась сидеть. Капитан Нотис склонился надо мной, его пальцы настойчиво ощупывали мой ноющий затылок.

– Рин, ты как?

Боль прошла, остался только звон в ушах и злость.

– В порядке. Я же говорил, что завалю первую красотку Узора. Свое слово сдержал.

– По-моему, это она тебя завалила, – улыбнулся капитан и поднял меня. – Давай выпьем за то, чтобы закрепить успех.

Уже пять кружек я добросовестно вылила под стол, в урну для мусора, памятуя о том, что случилось в Пожарках.

Предстояло выливать шестую. Но сначала надо разобраться с одним махоньким вопросом. Я отделалась от капитана и присела рядом с Осоргом.

– Зачем? – спросила я.

Осорг отвернулся и скрипнул зубами.

– Можете молчать. Тогда я встану на останки стола и расскажу, из-за кого он рухнул.

– Ненавижу, – прошептал Осорг. – Ее, и тебя тоже.

– Не убедили. Ломать мебель – немного мелко, не находите?

– Ты щенок!..

– Щенок, но не глупец. Еще раз спрашиваю: зачем?

– Раз дважды задаешь один и тот же вопрос, значит, все-таки глупец. Говори, кому хочешь. Мне уже не важно.

Подавальщики унесли искалеченный стол и собрали разбитую посуду. Полицейские натягивали курки и шапки, готовясь отправиться в увеселительный дом «Цветник».

– Колючка! – позвал меня Певир. – За мной!

Я оставила мастера Осорга в покое и с неохотой оделась. Мои мысли занимала сломанная ножка, щепки от которой были еще видны на земляном полу. Похоже, я упустила что-то важное, что случилось за пару мгновений до падения леди Эны. Или могло случиться. Скорее всего, мастер Осорг отвлекал внимание окружающих от того, что происходило в одном из уголков комнаты. Или пытался не дать произойти некоему событию.

Отстав от пьяной толпы полицейских, я потянула в сторону капитана и рассказала ему о своих подозрениях.

– Ты уверен, что это он? – спросил Нотис, нахмурившись.

– Больше никому. Да он и не отрицал.

– Странно. Раньше они с Эной ладили. То есть, по крайней мере, не вцеплялись друг другу в глотки, что для магов уже признак несомненной приязни.

– Вас послушать, так все маги – склочники.

– Я бы подтвердил свои слова, но боюсь, ты мне хвост подпалишь. Беги, догоняй остальных.

– А вы куда? Домой?

Капитан загадочно улыбнулся.

– Я тоже хочу закончить вечер на приятной ноте.

С этими словами он отправился пешком в сторону квартала Роз, где имели обыкновение селиться купцы и богатые вдовы. Он пошел к любовнице! Меня словно окатило холодной водой из бездонного ведра. От страсти не осталось даже угольков. Капитан не лучше других мужчин, и мне не следовало думать о нем так часто, лелея в душе его рыцарский образ.

Тем временем сводный отряд полиции Узора достиг борделя. Зибик и Ботой свалили на крыльце тело Родерига и с трудом перевели дух. Внутри дома слышался женский смех и звон разбитой посуды.

– Я побуду с ним, идите внутрь! – сказала я парням, и они с радостью нырнули в тепло.

Интересно, присоединился ли к общему веселью лейтенант Галт? Увлеченная загадкой сломанной ножки, я не заметила, куда он делся.

Снег мягко падал на землю, навевая воспоминания о днях, когда мы с отцом ждали Порог года, украшали комнаты остролистом и бессмертниками, варили черничный хок, жарили на вертеле кабанчика.

– Колючка? – раздался снизу слабый голос Родерига, которому холод явно пошел на пользу.

– Тебя внести внутрь или здесь оставить?

– Внутрь!

Родериг привстал, перегнулся через перила крыльца, и его вырвало.

– Уф, полегчало! – пробормотал он, вытирая рот рукавом. Пуговица на обшлаге оставила на его подбородке солидную царапину. Не зря ее туда пришивают!

Войдя, мы обнаружили, что явились к шапочному разбору. Из многочисленных комнат доносились яростные стоны, пара тел в серых куртках безмятежно валялась на обитых красной тканью козетках.

– Где дамы? – недовольно спросил Родериг. Его слегка мотало.

Из алькова к нам спрыгнула худенькая девушка в помятом платье. Ее грудь была обнажена, и Родериг уставился на нее, не мигая.

– Вперед, Чеснок! – подбодрила его я.

Он сглотнул и хрипло спросил.

– А ты, Колючка, не желаешь расчехлить свою колючку?

– Желаю. Но дама одна, и я уступаю ее тебе как лучшему другу.

– Спасибо! – искренне сказал Родериг и, подхватив девушку на руки, неловко побрел куда глаза глядят.

После этого я с легким сердцем вышла из борделя и побежала домой. Из тени выплыла фигура Галта.

– Быстро работаешь, – заметил он.

– Что вы здесь делаете, лейтенант?

– Жду тебя, чтобы проводить.

– А если бы я всю ночь прокувыркался, тоже бы дождалась? Не маленький, сам дойду.

– Нет, – ответил он, и я, ничего не понимая, уставилась на него.

Он дал мне знак пошевеливаться, и в мы в почти траурном молчании двинулись в квартал Башен. У дома капитана Галт развернулся и, не попрощавшись, исчез в пелене снега. Я осторожно вошла в пустую прихожую. Дом наполняли шорохи, скрипы, в трубах выл ветер. Капитан Нотис преспокойно сидел у камина в гостиной с толстой книгой на коленях.

– Только никаких шуток про мою скорострельность! – прошипела я.

Капитан задумчиво пошевелил губами и спросил:

– Броган тебя проводил?

– Ах, это вы его подослали!

– Не подослал, а попросил об услуге.

Лед в моей душе мало-помалу начал таять.

– А вы почему так скоро вернулись?

– Собственно, я никуда и не ходил.

Я запуталась. Он пригласил любовницу к себе на дом, а потом отослал? Или сбежал из борделя, чтобы читать книги? Я не знала, какая из версий более странная.

– Пожалуй, я пойду спать, – наконец сказала я.

– Самое время, – одобрил капитан. Он перевернул страницу, и я увидела изображение сирены, поющей на скале. К ней медленно и верно плыл двухмачтовый бриг.

Полицейские еще несколько дней обсуждали прошедшую попойку и дебош в борделе. Родериг отчего-то избегал моего взгляда и старался держаться подальше. Мастер Осорг неожиданно выразил желание меня обучать, и мы приступили к практике. Я создавала вихри, разбивала стены, метала пламя. Разрушения от наших тренировок достигли угрожающих масштабов, и теперь нас на служебной карете вывозили в квартал Сна – опустевший район, где когда-то жили золотари. При короле Игмаре городские катакомбы стали использовать для стока нечистот, и теперь на улицах редко можно было встретить смрадную бочку, завидев которую, прохожие отскакивали в стороны.

В один из дней, когда мы с мастером собирались поехать на озеро Вдовьих чепцов, ко мне размашистым шагом подошел капитан.

– Останься, Рин, ты мне нужен!

Мастер Осорг без возражений поплелся в свою келью, где чах над древними свитками. Я с любопытством рысила за капитаном, который шел к карете.

– Куда мы едем? – поинтересовалась я.

– В галерею Лхаж.

– Не слышал о такой.

– Ничего удивительного. Жалование курсанта не очень-то располагает к роскоши.

Живя в Пичуге, я редко пользовалась деньгами. Почти все необходимое мы выращивали или добывали сами, остальное меняли на мясо, шкуры и дикий мед. В Узоре приходилось тратиться, но мне хватало. Я отложила на черный день десять крон, и считала их большим богатством.

Через полчаса мы подъехали к великолепному дворцу, который я сначала приняла за королевский. Капитан по-своему прошел внутрь, не взглянув на охрану, сжимавшую внушительные алебарды. Внутри дворец был отделан мрамором, золотом и мореным дубом. Напольные вазы буквально кричали, какие они дорогие. С потолка свисала хрустальная люстра на тысячу рожков, под ногами пружинил ковер.

Нам навстречу вышел пузатенький господин в дорогом сюртуке.

– Лорд Вир! А я вас ждался.

– Мистер Лхаж, – капитан снял перчатку и коснулся плеча хозяина дома, тот ответил тем же. На меня же не обращали

внимания, я прилагалась к капитану, как парадная сабля.

– Пройдем.

И Лхаж повел нас из одного зала в другой, на ходу рассказывая, какие ценности ему удалось раздобыть на рынках востока. Мы подошли к массивным дверям, окованным железом. На них висело две дюжины замков, что было, безусловно, глупейшей затеей. Грабителя такое не остановит, а наоборот, раззадорит. Уж лучше сразу написать на дверях: «Все ценное – здесь!»

Лхаж помялся и сказал:

– Лорд Вир, прикажите своему... гм, магу осмотреть печать.

Капитан обернулся ко мне:

– Это кладовая аукционного дома мистера Лхажа. Самое охраняемое место Узора, не считая тронного зала короля Игмара.

– Заметно, – сказала я. – Еще бы пару охранников, и тогда ни одна мышь не проскочит.

– Взгляни туда, – капитан указал на нишу у двери. То, что я поначалу приняла за декоративный выступ, оказалось человеком, одетым там, чтобы сливаться со стеной.

– А где печать?

Капитан провел рукой по тонкой полоске кожи, которая соединяла дверные створки. Если принюхаться, можно было почувствовать слабый запах хвои. Когда капитан отступил в сторону, я коснулась печати и попыталась ее разорвать. Вне-

запно меня отбросило от дверей, и я с трудом удержалась на ногах. Мистер Лхаж ахнул, в глазах капитана зажглась тревога.

– Ого! Как же вы открываете свою кладовку? – спросила я.

Мистер Лхаж упорно старался не смотреть в мою сторону и говорил, обращаясь только к капитану.

– Хвала благим богиням, она работает!

– Где вы ее раздобыли? – спросил капитан.

– В одном из магазинчиков Дуутаала. Продавец прямо-таки рыдал, расставаясь с ней за скромное вознаграждение в десять тысяч крон.

– Сколько?! – воскликнула я.

– То, что за дверями, в разы ценнее, – заметил Нотис.

Теперь мне ужасно захотелось взглянуть на невиданные сокровища, но Лхаж продолжал мяться.

– Попробуй еще раз войти! – приказал капитан.

– Тогда все назад. И охрана тоже.

Когда люди удалились на безопасное расстояние, я ударила печать огнем. Она поглотила его, как губка воду. Перепробовав все, что умела и чему научилась у Осорга, я рухнула перед дверьми без сил. Капитан поднял меня и сказал:

– Достаточно! Если Рин не смог, никто не сможет.

– Мастер Осорг... – прошептала я.

– У него нет и четверти твоей силы. Печать крепка, мистер Лхаж. А теперь разрешите нам взглянуть на ценности, которые она охраняет.

– С удовольствием, – расплылся в улыбке аукционист. –

Прошу.

Он коснулся печати, и она послушно упала ему в ладонь.

– Надо было полоснуть ее ножом, – пробурчала я.

– Пробовали. И резали, и растворяли кислотами, и поливали водой. Невероятная вещь, стоит своих денег, – сказал мистер Лхаж, преданно глядя на капитана. Меня удивляло его подобострастие: продав одну только эту печать, он мог купить особняк Виров, а на сдачу пару-тройку домов поменьше. У капитана был лишь титул и лоск дворянина. И сотня с небольшим подчиненных, включая курсантов. Против денег Лхажа – просто мелочи.

Комната, которую скрывали двери, была совсем крохотной, едва ли больше моей спальни. На тумбах стояли статуэтки, вазы, кувшины, стены были увешаны картинами до потолка. Пространство наполнял мощный аромат хвои, от которого кружилась голова.

– Каждая вещица здесь таит в себе магию, – щебетал счастливый Лхаж. – Взгляните на это блюдо в форме сирены. По легенде, с него ел сам царь Тритон в подводных чертогах. Оно зачаровано и отталкивает яды. Если вы захотите подать, скажем, окорок, начиненный осиным трупостоем, блюдо сбросит с себя отраву. Каково?

Мы с капитаном дружно уставились на блюдо.

– А вот, полюбуйтесь, чаша Скорби, ценнейший артефакт эпохи Драконов. Ее ковал маг-кузнец Умур Лесной возле по-

тухшего вулкана острова Лета. Представьте себе, чаша превращает воду в вино! И какое! Пока не напьешься пьян, не отстанешь.

Лхаж водил нас туда-сюда, все больше увлекаясь собственными рассказами. Диковинные штуки сочлились магией, но сильнее всего ею веяло от трех картин. Я встала рядом с одной из них, и она вытянула мне навстречу невидимые руки.

– Юноша, отойдите! – закричал Лхаж, впервые обращаясь ко мне лично. – Нельзя лезть в картины, которые вы не приобрели.

– Да я и не лез.

– Рин, возможно, ты не сталкивался раньше с магическими картинами, – мягко сказал капитан. – Они не похожи на обычные.

– Выглядят как портреты в вашей галерее. Только не такие подкопченные.

– Ты и в галерею успел забраться, чертенок?

– А то! – вздернула нос я. – И что не так с этими магическими картинами?

– В них можно побывать.

– Побывать?

– Картина как бы втягивает тебя внутрь, и ты там некоторое время находишься.

– Все так! – подтвердил Лхаж. – Взгляните на холст, что висит вторым слева. «Утро в Щуке» кисти мастера Добула

Пещерного. С виду обычная пастораль. Освещенный солнцем луг, прелестные овечки. Если приглядеться, виден дымок близкого жилища. Когда вы станете поближе, вы сможете сделать шаг и пройти внутрь. Ах, какая там мягкая трава! Овечек можно потрогать и даже подоить, если к тому имеется талант. Правда, через час вас вытолкнет обратно, и вернуться можно только спустя сутки.

– А если другой человек попробует войти? – поинтересовался капитан.

– Двоих картина не пустит. Только по очереди, и второй пробудет внутри значительно меньше. Потом картине потребуется отдохнуть несколько дней.

От удивления я не находила слов. Теперь мне казалось, что овечки на картине и правда движутся, перебирая траву точеными ногами. Довольный произведенным эффектом, Лхаж подошел ко второму полотну, большему по размеру. На нем ровный песчаный берег лизало ласковое море. Солнце лениво протягивало лучи сквозь пелену утренних облаков и освещало хижину, сложенную из обмазанного глиной тростника. На этой картине тоже не было людей. Я прислушалась: море шумело, кричали птицы.

– «Королевская коса», – умиленно сказал Лхаж. – Автор неизвестен, хотя по своему таланту мог соперничать с лучшими мастерами прошлого. В этой марине вы проведете всего несколько минут, но они поистине целительны.

Капитан завороженно смотрел на картину. Его дыхание

стало глубже, словно он пытался вобрать в себя морской воздух. Что связывает его с морем? Может быть, он ездил с семьей в Сардину или Каракатицу? Лхаж тем временем подошел к гигантскому полотну, занимавшему полстены.

– Жемчужина коллекции – «Тихая река». Обратите внимание, реки-то как раз на полотне нет, но если вы туда войдете, то сможете до нее добраться. Она течет лесом, и вода в ней всегда достаточно теплая для купания.

Что-то в этой картине мне не понравилось. Она напомнила человека с ножом в кармане, который расточает сладчайшие улыбки и ведет тебя в переулок посмотреть на маленького котенка. Но надо было отдать должное художнику, он умел изобразить игру света и тени так искусно, что картина казалась окном, прорубленным в стене. На переднем плане колыхалось под легким ветром пшеничное поле, его перерезала тропинка. Вдалеке темнел ельник и виднелась фигура человека.

– Лесник Ганс, – объяснил Лхаж. – Неразговорчив, но пару слов скажет, если к нему учтиво обратиться. В этой картине, господа, вы пробудете день! Вдумайтесь! И она не нуждается в отдыхе. Как только вы решите ее покинуть, она сразу же будет готова принять вас обратно. Я надеюсь, ее приобретет настоящий ценитель искусства магического письма.

– Вы про нашего дражайшего короля? – с непонятной мне иронией спросил капитан.

– Да! Скажу по секрету, посланники из дворца уже побы-

вали у меня и предупредили, что, возможно, король придет на аукцион инкогнито.

– И вы, разумеется, обязались хранить это в тайне.

Лхаж приосанился.

– Его величество уверен в моей благонадежности.

– Весьма пронизательно с его стороны.

Капитан спрятал улыбку и повернулся к груде хлама, которая невесть откуда взялась в этой сказочной сокровищнице.

– Да, – грустно протянул Лхаж. – Приходится и таким торговать. Последний аукцион прошел мне в убыток. Проклятая газетенка устроила шум, что я приглашаю исключительно аристократов и не пускаю купцов. Многих отпугнуло. Вот я и взял партию бросового товара, чтобы каждому по кошельку. И открою дом бродягам.

Лхаж чуть не плакал. Капитан ничем не выдал своих чувств, но я знала, что к титулам он равнодушен и презирает сословную надменность. Сам Лхаж не имел в роду аристократов вовсе. В своих мечтах он поднимался над низким происхождением и парил в эмпиреях среди высокородных лордов, леди и принцев.

Я подошла к куче статуэток и присела рядом с ними. Сделанные из фарфора зайтонские тигры скалили красивые морды, несколько стройных танцовщиц из эбенового дерева застыли в сложных позах. Сморщенный старичок, вырезанный из теплого мрамора с Пальмовых островов, держал

сухими лапками сундук. Алый всадник на лошади куда-то спешил, но внезапно застыл – таким его увидел неизвестный скульптор, работавший с куском смолы дерева шитинга.

– Они тоже магические? – спросила я у Лхажа.

Он быстро отвел глаза.

– Не все, – ответил он неохотно. – Но многие. Я не разбираюсь. Товар из пяти разных лавок.

Слово «лавок» он произнес так, будто речь шла о городской помойке. Мое раздражение грозило вырваться наружу, поэтому я покинула комнату, не прощаясь. Капитан догнал меня в коридоре.

– Понравилось что-нибудь из вещей? – спросил он.

– Из вещей – да, а из людей – нет.

Капитан хмыкнул.

– Если хочешь, я проведу тебя на аукцион.

– Может, вы мне еще и денег дадите, чтобы я поучаствовал?

– Может, и дам.

– Капитан, если у вас завелись лишние гроши, давайте починим ставни на окнах первого этажа. Или прочистим дымоход в гостиной.

– Для своих лет ты очень хозяйственный.

– Давайте поменяемся? Я буду беспечным транжирой, а вы будете следить за домом и ежедневно латать дыры.

– Ах, мой мальчик, тебе не понять тягот жизни высшего класса! Тратить деньги – не привилегия, а обязанность.

Взгляни, например, на свои сапоги и сравни их с моими. Как я появлюсь на балу в обуви из телячьей кожи, да еще и грубой выделки? Мне нужна нежная оленья шкурка, вымоченная в литых бочках.

Я метнула в сторону капитана полный злости взгляд.

– Вы еще и на балы ходите?

– Хожу, – подтвердил капитан. – Скоро ожидается королевский маскарад, гвоздь сезона, пора покупать новые перчатки и сюртук. Не могу же я пойти в том, что ты вчера зашил.

– И правда, будет скандал! Возможно, вас даже вышвырнут на улицу, схватив за лохмотья.

– Как хорошо, что ты это понимаешь! – подмигнул капитан, и я едва удержалась, чтобы не подпалить ему куртку. – У меня есть предложение. Давай разделим те триста крон, что я выиграл в карты у полковника, пополам. Я куплю себе обновки, а ты поучаствуешь в аукционе. Купишь мраморного деда с сундучком. Говорят, это каррарский символ достатка.

– Капитан! – строго сказала я. – Мы же договорились потратить выигрыш на ремонт. Вы обещали!

– Я обещал подумать. И вот решил, что вещи нужнее.

От бессилия и ярости мне хотелось кого-нибудь стукнуть. Желательно капитана, но он увернется, а потом посадит меня на гауптвахту.

– Кстати, Рин, почисти мне вечером алый мундир.

– Парад принимать будете?

– Нет. Мы с леди Маритой отправимся раздавать милостыню в богадельнях.

Леди Марита, единственная дочь барона Чорима, славилась своей красотой, набожностью и милосердием. Приданого за ней давали чуть, но от женихов отбоя не было. Они осаждали дворец барона днем и ночью, и среди этой шайки нередко можно было увидеть капитана. Он ухаживал за леди Маритой: дважды делал ей предложение и получал отказ. Видимо, у красавицы были на примете рыбы покрупнее. Но капитан продолжал к ней ездить и теперь собирался произвести впечатление мундиром. Я могла ему только посочувствовать. Ревность – осколок былой страсти – вскинулась и погасла. Любвеобильный капитан больше не был хозяином моего сердца. Так мне думалось тогда.

Вернувшись в управление, я застала построение курсантов. Певир отправлял их патрулировать улицы.

– Бдительность и дисциплина! – наставительно говорил он. – Вы стражи закона, вы глаза, уши и руки короля. Не смейте опозорить честь мундира!

– Так точно, сержант! – гаркнули курсанты.

– Колючка, это и к тебе относится! Идешь с Чесноком.

– Есть, – сказала я, вставая рядом с Родеригом. Он еле заметно поднял уголок губы, приветствуя меня.

Нам достался квартал Голубей, где находилась Академия. В маленьких, уютных домиках квартировали студенты побогаче, остальные ютились в спальном корпусе. Он был постро-

ен еще при короле Губерте Первом, четыреста лет назад, и продувался всеми ветрами. Студенты отчаянно мерзли, дров не хватало, и они подворовывали их в окрестных домах, создавая для полиции безнадежные дела – улики сгорали в печах быстрее, чем мы успевали обыскать комнаты.

Мы с Родеригом глазели по сторонам, совершенно ослабленные мирной возней жителей. В этой части города мостовые были чистые, лед лежал только по обочинам. Несколько подвод со снегом проехало мимо нас, направляясь к Ленте. Мальчишки-возницы смотрели на серые полицейские куртки с завистью и тоской. Через пару-тройку лет к нам придут новые курсанты.

Я и сама не заметила, как стала думать о полиции «мы». После смерти Меченого у меня не осталось цели, к которой я шла бы напролом. Полиция, курсанты, капитан Нотис стали моей семьей. Семей, из которой иногда хочется сбежать на край света, но в целом дружной, готовой принять тебя любым. Я подумывала о том, не снять ли мне личину и вновь стать собой. Мне было не ясно, что двигало отцом, когда он скрывал мою магию. Может, он боялся преследований долгопятов или слишком пристального интереса к его собственной личности? Я решила подождать еще немного, а затем открыться капитану. И я очень надеялась, на мое решение повлияла трезвая оценка ситуации, а не безумная мечта, что увидев меня в женском облике, капитан падет на колени и признается мне в пламенной любви до гроба.

– Справа! – вдруг крикнул Родериг, толкая меня к стене. Мимо моего уха просвистел камень.

В переулке Короля Релова Второго трое бандитов ощупывали бездыханное тело. При виде нас они выставили иссаны – зазубренные клинки, устрашающие с виду, но не сильно эффективные в бою. Много крови – малая глубина проникновения, так говорил о них лейтенант Галт. Родериг обнажил меч, а я собрала в кулак заклинание удара. Левую руку оставила свободной, готовясь выставить щит.

Бандиты бросились на нас с воинственными воплями. Я отшвырнула одного, а Родериг попытался остановить сразу двоих. Я заслонила его щитом от летящего вперед иссана. Бандиты продолжали наседавать. Тогда я швырнула в ближайшего огнем, а Родериг ранил второго, обагрив камни мостовой кровью. Я с ужасом смотрела, как она стекает на лед и дымится.

– Колючка, туда! – приказал Родериг, и я подбежала к жертве. Парень, студент, судя по мантии и тубусу для свитков. Шея холодная, пульса нет.

– Мертв, – сказала я.

Раненный бандит стонал, Родериг связывал руки двум оставшимся. Обгоревший что-то мычал, а тот, которого я отшвырнула, пытался прийти в себя. Я перевернула тело жертвы и вскрикнула, увидев бледное, обескровленное лицо Фира Даггира, чья магия привела меня в «Соловей».

– Знаешь его? – спросил Родериг, присаживаясь рядом на

корточки.

– Да. Постоялец из харчевни, где я работал. Маг.

– Маг?

– Дай нож.

Родериг снял с пояса квилон, и я распорол мантию на груди Фира. Четкий след удара коротким клинком, ровная рана с бордово-синими краями. Мне стало страшно, как никогда. Нет, история с Меченым не закончена. Кто-то убивает магов, забирая их силы. И если он пришел за Фиром, то рано или поздно явится за мной. Скольких он уже прикончил? Хватит ли моей магии, чтобы противостоять ему?

– Дело серьезное, Чеснок, – прошептала я. – Нужна труповозка.

Пока я сторожила бандитов и Фира, Родериг сбегал за подводой. С богатой добычей мы вернулись в управление. Я сразу же кинулась к лейтенанту Галту. Осмотрев Фира, он подтвердил мои догадки. Через два часа, после допроса бандитов, я, лейтенант и леди Эна собрались в кабинете капитана Нотиса. Зеркало, висевшее на внешней стене, теперь украшало внутреннюю, и я невольно усмехнулась.

– История получила продолжение, – сказал капитан, серьезный, как никогда. – Второй убитый маг за месяц – это уже заявка на серийного убийцу, и мы обязаны бросить все силы на его поимку. Более того, каждый маг в полиции находится под угрозой.

Леди Эна равнодушно пожала плечами.

– Для нас не ново!

– Оно и понятно, дорогая, – едко сказал Галт. – Ты привыкла играть с огнем. Только учти, с каждой следующей жертвой убийца становится сильнее. Когда он придет за тобой, у него будет сила десятка магов.

– Броган, не нагнетай обстановку! – развернулся к нему капитан. – Пока мы можем справиться с ситуацией, если будем действовать быстро.

– Предлагаете ловить на живца? – предположила я.

Капитан поморщился:

– Мне не по душе такое, но да. Медлить опаснее, чем рисковать и идти ва-банк. Мастер Осорг вызвался сыграть роль беззащитного колдуна.

– А бандиты? От них удалось что-то узнать? – спросила леди Эна.

– Утверждают, что нашли студента уже мертвым, собирались по-тихому обыскать. Их задержало кольцо, которое не снималось с пальца. При виде полицейских испугались и решили прорываться на свободу с боем. Пожалуй, я им верю, тем более что квилона при них не оказалось.

– Могли выбросить в любой момент, – заметил Галт.

– Логично. Проблема в том, что ни один из них не маг.

Осорг их проверил.

Галт выругался.

– Лейтенант, – холодно сказала сирена. – Тут вообще-то есть дама.

Галт и ухом не повел. Я обратилась к капитану:

– Предлагаю расширить зону поисков. Я готов стать при-
манкой.

– Нет, – отрезал Нотис. – Отклоняю! Мы не будем рис-
ковать всеми магами, одного вполне достаточно. Но у меня
нехорошее предчувствие. Убийца не просто так оставил тело
на виду, даже не попытавшись спрятать. В прошлый раз он
спустил труп в Ленту в надежде на то, что лед скроет его до
весны. Но лед, на наше счастье, не встал.

– Убийцу спугнули, – предположил Галт. – Или он узнал,
что мы нашли Меченого, и оставил нам знак.

– Или это два не связанных случая, – ввернула шпиль-
ку леди Эна, недовольно морщившая хорошенький носик. –
Вы, люди, любите видеть закономерности там, где их нет.
Никогда этого не понимала!

Капитан вздохнул.

– Хотелось бы, чтобы связь отсутствовала. Но, вероятнее
всего, она есть. Броган, сколько прошло времени с момента
убийства студента?

– Около трех часов.

– И его никто не заметил в проулке?

– Я уже выслал наряд опросить свидетелей. Пока никаких
новостей. Труп лежал возле водяного стока. Вероятно, его
припорошило, и прохожие посчитали, что это мусор.

Нотис и Галт переглянулись.

– Да, я знаю, о чем ты подумал, – сказал лейтенант. – Под-

воды со снегом. На любой из них можно укрыть труп, привезти куда угодно и сбросить. Тогда место преступления – еще одно неизвестное в нашем уравнении.

– К концу дня добудь мне адреса всех магов, о которых нам что-либо известно. Прощупаем каждого.

Галт кивнул.

– Капитан, по какой причине мы с леди Эной вне подозрений? А мастер Осорг – он тоже мог бы стать превосходным убийцей.

– У тебя алиби, Рин, – улыбнулся капитан. – Три часа назад ты был в аукционном доме вместе со мной. Раздавал мне указания, как тратить деньги.

– Хорошо, а остальные?

– Леди Эна вела занятие у курсантов, мастер Осорг находился в своей келье, и стража у ворот подтвердила, что здание он не покидал. Это все, что ты хотел нам поведать?

– Не все! Вы считаете, что некий маг, узнав о свойствах квилона, решил ими воспользоваться. Справедливая мысль, но если она все-таки ложна? Возможно, есть человек, не обладающий способностями, но затаивший на магов зло. Сумасшедший, вроде тех же долгопятов. Люди боятся магов, ненавидят их. Найдутся те, кто готовы пойти на убийство ради мира без магии.

Галт одобрительно хлопнул меня по плечу.

– Делаешь успехи, Колючка. А я-то думал в твоей голове, кроме дерзкого языка, ничего нет.

– Согласен с тобой, Рин, – сказал капитан. – Надо проверить и религиозный след. Церковь трех богинь отрицательно относится к магии, но не считает ее смертельным грехом. С их стороны было бы странно начать преследовать магов. С другой стороны, есть множество культов, которые проповедуют очищение перед грядущим концом света. Их адепты могли зайти слишком далеко и начать резню, вместо того чтобы предаваться духовному поиску. Часть сил надо бросить на разработку этой версии.

Когда капитан отпустил нас, я чувствовала себя совершенно вымотанной. Из головы не шел мертвый Фир Даггир и раненый бандит, умолявший Родерига о пощаде.

Леди Эна тронула меня за рукав.

– Иди за мной, Колючка, – нежно сказала она. – Ты прогулял утренний урок, пора наверстывать.

Мы заперлись в учебной комнате. Я послушно села за стол, готовая слушать, но сирена не торопилась начинать занятие. Она мурлыкала что-то себе под нос, как тогда, на вечеринке, а потом запела в полный голос. Ее песня была не похожа ни на одну другую: горловая, томная, она обещала покой, баюкала, умиряла боль. Я словно очистилась ее мелодией и вернулась во времена беззаботного детства, когда мы с Тильдом, свесив босые ноги в Ленточку, удили окуней в тенистой заводи.

– Эна! – забарабанил в двери Галт. – Прекрати!

Сирена, хищно прищурившись, оборвала песню. Я замор-

гала глазами, обнаружив себя в классной комнате.

Дверь распахнулась, и лейтенант стремительно обрушился на леди Эну.

– Как ты могла?! Руки прочь от мальчишки!

Леди Эна презрительно фыркнула.

– У нас урок, Броган! Выйди из класса.

– А если я расскажу капитану, что ты тут устроила?

– И пожалуйста! Беги, расскажи, как я совратила невинного мальчика. Я всего лишь пыталась не дать ему сойти с ума. Вы с Оденем хоть подумали, что он совсем ребенок, когда заставляли его осматривать трупы?

– Не строй из себя благодетельницу! Твоя цель ясна, как божий день.

– Ублюдок! Я не сплю с детьми.

– Ты спишь со всеми, кто согласен.

Безобразная сцена затягивалась, и я вмешалась:

– Эй, господа! Хватит!

Галт и леди Эна недовольно посмотрели в мою сторону, и я почувствовала себя соседом, который сдуру ввязался в спор супругов.

– Я пойду?

– Нет! – сказала мне сирена и поволокла лейтенанта к двери. – Чтобы духу твоего здесь не было, Броган-чертов-Галт!

Пару минут спустя, когда лейтенант с ворчанием отбыл к себе в архив, сирена обворожительно улыбнулась и спросила:

– Так на чем мы закончили?

– Мы вообще-то и не начинали.

– Хорошо. Тогда давай вспомним историю магии.

– Мне нечего вспоминать, – грустно сказала я. – Историю магии я не учил.

Книги по магии стоили бешеных денег, и отец никогда их не покупал. Сам же он иногда рассказывал мне, что магия младше мира и появилась сравнительно недавно.

– С извержением вулкана Медуза, – подтвердила слова отца леди Эна. – Произошло это великое событие пятьсот лет назад, то есть сравнительно недавно. То были темные времена. Властолюбивые синьоры, запершись в замках, без труда давали отпор армии короля и провозглашали свои земли независимыми королевствами. Но все изменилось, когда в мир вошла магия. Никто не знает, как связан взрыв вулкана и ее появление, что чему предшествовало. Мы можем говорить только о последствиях. Вулкан находился в двухстах морских милях от берега, скрытый водой. Когда он извергся, образовались острова. Небо заволкло пеплом, и жители Сардины, в те далекие времена маленькой рыбацкой деревеньки, решили, что с неба сошла седовласая Тоя.

Сирена присела на мой стол и уставилась в окно, покачивая ногой.

– Когда пробудился второй великий вулкан – на острове Лета, рыбаки стали замечать огромных существ, которые выдыхали огонь. Их называли драконами. Откуда они появи-

лись, знают лишь благие богини. Рыбаки поплыли к острову, их лодки загорелись, они удрали, а позже вернулись, везя солдат. Впервые в истории сеньоры объединились, чтобы истребить драконов, разорявших отары. Бой был проигран, но драконы снялись с места и перелетели в горы, где до них было труднее добраться.

– Как вы думаете, драконы разумны? – спросила я.

– По-своему да. Они способны выполнять команды, различать людей.

– А язык? Я слышал, они общаются между собой.

– Так говорят, – склонила голову леди Эна. – Но я не рвусь проверять. Драконы мне неприятны, как и саламандры. Они порождения огня и враги детей моря.

– Саламандры появились вместе с драконами?

– Да.

– А сирены?

– Наша история началась раньше. Мы ровесники мира и пришли в Бурное море из Великого океана, откуда нас изгнало проклятое чудовище Тла, посланное богинями.

– Это легенда или быль?

– Разумеется, быль, – рассердилась сирена. – Мы отважно сражались, но Тла оказался сильнее. Его могущество столь велико, что он способен выпить воды океана, если пожелает.

К моему огорчению, сирена завиралась все сильнее и сильнее, описывая ужасы, которые творил неведомый монстр Тла. Существовали сотни свидетельств того, что си-

рены появились не так давно, двести или триста лет назад, в Сером море, омывавшем берега Футтинга, южного королевства, известного своими свирепыми пиратами. Небольшое племя сирен билось с людьми за море, потерпело сокрушительное поражение и вынуждено было откочевать на север, где их ждал далеко не самый теплый прием. Но здесь, в водах королевства Гац, чьей столицей был Узор, их, по крайней мере, старались отгонять, а не истребляли.

– Простите, леди, а можно спросить о личном?

Сирена с сомнением посмотрела на меня.

– Хочешь узнать, что я здесь делаю и откуда ноги?

Я улыбнулась.

– Согласитесь, вопрос напрашивается.

– Маленькая любопытная устрица! Что ж, слушай. Мой отец – первый советник царя Тритона и могущественный маг. Однажды он был ранен, и его вынесло на поверхность. Мы с сестрами пытались увлечь его на глубину, но тут с корабля, который проплывал мимо, спустился человек. Он исцелил отца, и тот был обязан ему жизнью. Не желая платить долг, отец предложил человеку взять взамен одну из нас. Я тогда была совсем юной, и человек выбрал меня. Отец превратил мой прекрасный хвост в пару уродливых ног и велел служить человеку до последней капли крови. Когда я спасу человека от смерти, то смогу вернуться в море.

– Кто он, этот человек?

– Малыш, слишком много вопросов! – пропела сирена. –

Любопытство краба сгубило!

– Он из полиции, – не унималась я. – Иначе что бы вы тут делали? Лейтенант Галт?

Сирена склонила хорошенькую головку.

– Урок окончен, – вдруг сказала она. – Иди помаша мечом.

Я вышла из класса. Недосказанность неприятно отягощала мысли, и я вложила все силы в тренировку. К моему несказанному удивлению, во дворе нарисовался капитан и встал в пару к Зибику. Мы с Родеригом опустили мечи и получили нагоняй от Певира. Зибик неумело атаковал, капитан шутя защищался и не переходил в контратаку. Вокруг теснили друг друга курсанты, раскрасневшиеся от усилий.

Я залюбовалась капитаном. Его движения не были эффектно, но я видела: он опытен и прекрасно знает, что делает. В два взмаха он опрокинул Зибика в сугроб, помог ему подняться и снова принял боевую стойку. Зибик, скривив губы подковой, глядел на меч, словно тот его обидел.

– Не зевай, – крикнул мне Родериг, и я получила чувствительный тычок в живот.

Родериг превосходил меня в силе и ловкости, без магии я с ним не справлялась. Он, в отличие от капитана, старался выполнять удары красиво, жертвуя при этом точностью. Я воспользовалась моментом его самолюбования, нырнула влево и обратным движением полоснула по ребрам. Родериг развернулся и, как бык, ринулся на меня. Я отразила удар,

но свалилась и перекатом ушла в сторону.

К концу тренировки Родериг вел в счете двадцать к пяти.

– В следующий раз я тебя сделаю, – пообещала я ему, возвращая меч на стойку.

– Тебе меня не победить! – подбоченился Родериг. – Без своей магии ты слабак.

– Хорохорься, хорохорься! Будешь есть снег и умолять меня о пощаде.

Родериг захохотал и, схватив меня за ухо, поволок в столовую на ужин.

Вечером, когда мы капитаном ехали в карете, от усталости у меня не было сил даже сидеть, и я попыталась лечь на узком сидении.

– Спи-усни, – сказал капитан. – А я тем временем перчатки куплю.

– Что?! – вскочила я. – Мы так не договаривались.

– Не думаешь же ты, что я явлюсь к леди Марите в старых перчатках?

– Думаю!

– А вот и магазин Рокмита. Эй, Ник, останови карету.

Наш возница резко натянул поводья, и лошади прянули назад. Капитан выпрыгнул на мостовую и скрылся в магазине. Четверть часа спустя он вернулся со свертком, который любовно держал в руках.

– Дымоход, – прошипела я. – Нечищенный дымоход.

– Пустяки! – отмахнулся капитан. – Мелочи жизни. Ты

посмотри, какая выделка! А серебрение?

Возмущенная, я молчала всю оставшуюся дорогу, не мешая капитану перевозносить дорожные перчатки и мастера Рокмита. Горбатого, как говорится, могила исправит.

Глава 6

– Вы мне за это ответите! Я вас разжалую и отдам под трибунал! Слышите? Вытащил вас из грязи, туда и верну, – грохотал незнакомый голос в кабинете капитана. Я застыла, как вкопанная.

Дверь была плотно закрыта, но у меня на бедре висела фляжка с водой. Я вынула пробку, плеснула воду на пол и направила в нее поток магии. Поверхность помутнела, и я увидела высокого худого офицера с красным от гнева лицом. Рядом с ним что-то блял потерянный мистер Лхаж. Он то и дело прикладывал к сухим щекам кружевной платочек. Капитан уверенно и чуть иронически смотрел на офицера и молчал.

– Я даю вам неделю, – свирепо сказал офицер. – Или можете попрощаться со своим местом. Никакие связи вам не помогут, барон, кто бы за вами ни стоял. Я вас в порошок сотру.

Капитан словно не слышал этих слов, и лишь легкая вспышка гнева отразилась в его стальных глазах.

– Что я, по-вашему, должен сказать королю? Что картины ушли у него из-под носа? Что верховная жрица Зайтона останется без обещанного подарка?

– Генерал, мы приложим все силы, чтобы найти картины, – спокойно сказал капитан. – И позвольте нам от слов

перейти к делу.

Генерал шумно выдохнул и развернулся к двери, я спряталась в коридоре. Мистер Лхаж, с тяжким стоном, неловко вывалился из кабинета, поскользнулся и брякнулся в лужу. Когда он исчез, оставляя за собой мокрый след, я без стука вошла к капитану. Он улыбнулся мне так, словно никакой выволочки не было:

– Полагаю, ты все слышал. А может, даже видел.

Я уставилась на книжный шкаф.

– Как? Как ты это делаешь? Зеркало я перевесил.

– Этот секрет я буду хранить до последнего.

– Богини с тобой, потом дознаюсь! Итак, мой мальчик, пойдем за Галтом и сразу в галерею, пока следы не остыли.

Трясая служебная карета везла нас по улицам Узора. Капитан рассказал, что произошло. Ночью кто-то пробрался в сокровищницу Лхажа и коварно похитил две магические картины – «Тихую реку» и морской пейзаж. Охранник никого не видел и клянется, что не спал. Печать не взломана, замки целы. Мистер Лхаж, убитый горем, кинулся к генералу Каррену, суперинтенданту полиции и командующему частями армии, расквартированными в Узоре. Он оросил глазами приемную генерала и сообщил, что капитан небрежно отнесся к проверке безопасности, приведя с собой неизвестного сопляка, мага-недоучку. Генерал, точивший зуб на капитана, с радостью воспользовался возможностью устроить бурю и показать, кто в доме хозяин.

– Ты уверен, что все тогда перепробовал, Колючка? – спросил Галт.

– Нет, – ответила я. – Но одно могу сказать точно, я бы в сокровищницу не смог вломиться. А если бы вломился, то вынес бы все, чего стесняться-то!

– Действительно, странно, – согласился капитан. – Картины ценные, но тащить их неудобно и трудно сбыть. Гораздо легче набрать менее дорогих вещей. Вор или работал по заказу, или спешил.

– Или его спугнули, – добавил Галт.

– Меня больше интересует, как он влез, – сказала я. – Окна отсутствуют, дверь охраняется. Существует магия перемещения?

Лейтенант задумался.

– Насколько я знаю, нет. Магия усиливает то, что уже есть в природе. Меняет форму вещей, заставляет ветер дуть сильнее. Но предмет не может исчезнуть в одном месте и появиться в другом, не преодолев путь физически.

– Что будем делать, если не найдем картины? – спросила я.

– Ты уже готов сдать? – удивился капитан. – Не бойся, тебе ничего не грозит. В худшем случае я сложу на стол нашивки и вернусь к праздной жизни, а Броган станет на мое место.

– Прекрати! – резко сказал Галт. – Я отказался в прошлый раз, откажусь и в этот. Ты прекрасно знаешь, почему.

Капитан бросил на него лукавый взгляд.

– А я так надеялся спихнуть на тебя пыльную работенку! Какая досада, ты против! – он обернулся ко мне. – Не переживай, Рин, картины найдутся. Нутром чувю.

Его самонадеянность бесила меня все сильнее и сильнее. Чтобы не сболтнуть лишнего, я отвернулась к окну.

У галереи Лхаж, вопреки моим ожиданиям, не толпился народ.

– Слухи не успели расползтись?

– Пока нет, поэтому мы проедем мимо, остановимся в соседнем квартале, а дальше пешком и к черному ходу.

Когда мы добрались до сокровищницы в сопровождении доверенного слуги, нас поджидал у дверей сам аукционист, начальник его охраны и трясущийся парень, который нес дежурство прошлой ночью.

– Снимите печать, – приказал капитан. – Начнем с комнаты.

Лхаж и охранники принялись распаковывать помещение. Как и в прошлый раз, на это ушло много времени. Шум открываемых замков был такой, что его слышала челядь во дворе. Капитан и Галт выразительно посмотрели на Лхаж, и тот опять запричитал.

Внутри ничего не изменилось. Вещи остались на своих местах, только зияли пустоты – там, где раньше находились картины. Аромат хвои по-прежнему был сильным.

Мы принялись ощупывать и простукивать стены в по-

искал тайного хода или подкопа. Галт, как ищетка, поводил длинным острым носом, выискивая малейшие щелочки. Особенно его интересовали узкие воздухопроводные отверстия.

– Если спустить через них веревку и прикрепить свернутую рулоном картину... – начал он.

– Картины украли вместе с рамами. Рамы куда делись?

– Их можно сжечь. Например, магией или даже без нее, традиционным способом.

– Тогда останется пепел и запах гари. Кто обнаружил пропажу?

– Я, – горестно сказал Лхаж. – Только я вхожу сюда, иногда с гостями. Гарью не пахло.

Мы продолжили искать улики.

– Богини, смилуйтесь! – бормотал Лхаж. – Что теперь будет со мной, с моим аукционом?

– Продадите на две картины меньше, – сказал Галт. – О похищении можно не распространяться. А про картины сообщите, что их заранее выкупил богач, пожелавший остаться неизвестным. За баснословную, разумеется, сумму.

– А убыток? – вскричал Лхаж. – Убыток-то чем покрывать?

Галт пожал плечами и вернулся к работе.

Несмотря на все наши усилия, ничего подозрительного обнаружить не удалось. Картины словно растворились в воздухе. Лхаж, сидя в принесенном для него кресле, скорбно взирал на мир.

– Капитан, позвольте мне проверить одну идею, – попросила я.

Нотис устало потер переносицу.

– Какую?

– Я не уверен, возможно ли это, но один из гостей мистера Лхаж мог с помощью магии отвести всем глаза и остаться в этой комнате.

– Весьма предприимчиво с его стороны, – сказал Галт. – И где же он затаился? Мы здесь ощупали каждый дюйм.

Он отряхнул брюки.

– Не каждый. Есть еще картина.

Все дружно уставились на магическое полотно, на котором овцы самозабвенно питались травой.

– Милосердная Тая! – взвыл Лхаж и бросился к картине. Едва он коснулся рамы, как его подхватило в воздух и превратило в россыпь цветочных пятен. Через мгновение он появился на холсте. Его ноги чуть заметно двигались.

– Идем за ним! – сказал Галт и попробовал проделать тот же трюк, но картина его мягко отстранила. – Она меня не пускает.

– По одному, – объяснил капитан. – Будем ждать.

Через час, когда мы успели сыграть три партии в куриный блеф, из картины выпал Лхаж.

– Не нашел, – сказал он. – Под каждый куст заглянул, даже землю копал.

Его руки и правда были вымазаны землей, точнее, краской

бурого цвета.

– И все же стоит пустить туда специалистов, – напирал капитан. – Мы имеем большой опыт в поиске.

– Ах, идите! – и Лхаж безнадежно махнул.

– Я первый, – сказал Галт, исчезая в полотне.

Его не было долго, и Лхаж начал нервно прохаживаться вдоль стены, бормоча попеременно молитвы и проклятья. Наконец Галт выбрался из картины, весь заляпанный краской.

– Это было... необычно, – пробормотал он. – Но и правда, ничего нет.

Капитан разочарованно поморщился.

– Ладно, попытки работать с картиной продолжим, когда она отдохнет, пока этот путь выглядит тупиковым. Сосредоточимся не на методах взлома, а на сбыте. Галт, подними свои связи на черном рынке, узнай, кто разбирается в подобном товаре. А мы с магами попробуем провести эксперимент.

Я вопросительно посмотрела на капитана, тот напустил на себя таинственный вид. На Лхажу это тоже подействовало, он взбодрился и молитвенно сложил пухлые ладошки.

Втроем мы вернулись в управление. Капитан забрал с занятий леди Эну и мастера Осорга, и мы вместе отправились в кабинет, выгнав оттуда курсанта, вытиравшего пыль со шкафов.

– Итак, ответьте мне на простой вопрос – возможно ли

сделать человека невидимым?

– Нет, – отрезал Осорг.

– Не уверена, – протянула Эна.

– Да, – сказала я.

– Рин?

– Что?

– Подробнее, черт тебя подери!

– Капитан, существует магия личин. Я не знаю, как она называется в умных книгах мастера Осорга, должно быть витиевато и загадочно. При желании можно изменить внешность человека до неузнаваемости. Это будет только иллюзия, но ее достаточно, чтобы обмануть зрение.

– Хватит рассказывать то, что известно каждому! – взорвался мастер Осорг. – Личины может накладывать только придворный маг, да и то не на всех. И какое это имеет отношение к невидимости?

Мастер Осорг сильно нервничал, я постаралась запомнить момент, чтобы потом к нему вернуться. Его непонятные слова и действия не давали мне покоя.

– Моя теория состоит в том, – сказала я, – что вместо личины можно создать нечто вроде покрова, который будет похож на рисунок стены или на определенную поверхность.

– Теория! – фыркнул Осорг. – Молокосос...

Капитан жестом остановил его.

– Ты можешь попытаться?

Больше всего я боялась, что если наложу новую личину,

старая спадет. К такому повороту я не была готова, но раз мой длинный язык уже развязался и предложил этот вариант, стоит попытаться. Я подошла к зеркалу и представила, как я становлюсь им – чистым гладким стеклом, покрытым слоем амальгамы.

Я услышала, как за моей спиной судорожно вдохнули Нотис и Осорг, как ахнула леди Эна. Открыв глаза, я не увидела себя в зеркале. На секунду мне стало страшно, и иллюзия заколебалась.

– Он невидим! – прошептал Осорг.

– Если не шевелится, – заметила Эна.

Я вернула себе мальчишеский облик и торжествующе обвела взглядом остальных. Потрясенный капитан подошел ко мне и сказал:

– О том, что ты так умеешь, никому ни звука!

– Есть!

– И вы тоже молчите! – приказал он остальным.

У Осорга дергался мускул на лице, а леди Эна смотрела на меня удивленно и чуть насмешливо.

– Предположим, – произнес наконец Нотис, – что наш вор равен по силам Рину, что вряд ли возможно, но все-таки. Он мог укрыться в сокровищнице от глаз Лхажа, но не от нас. Остается также вопрос, куда он дел картины.

– Сжег, собрал пепел в коробочку и слился со стеной? – предположила я.

– Или скрылся в картине и уже там применил магию личи-

ны, – развил мою мысль капитан. – Хорошая версия, и многое объясняет. Есть другие варианты?

Леди Эна потянулась, как кошка.

– Естественно. Лхаж лжет, картины он продал или перепрятал и пытается играть на нервах у генерала.

– Цель? – спросил капитан.

– Королевская компенсация за потери.

– Пожалуй, Эна, твой вариант пока самый правдоподобный.

Сирена скромно потупила глазки.

В этот момент в кабинет шагнул измученный лейтенант Галт. Его темные волосы растрепались, на куртке отсутствовала верхняя пуговица.

– Есть зацепка, – сказал он. – Только не на черном рынке, а на самом что ни на есть белом. В квартале Роз обретается один купчишка, который некогда торговал магическими картинами. Ну, как торговал – продал три штуки. Их вообще-то не так уж много создано. Он выступил посредником между продавцами и покупателями, и заработал на этом сущие гроши.

– Кто он? Есть алиби?

– Зовут Алон Трошит, художник-самоучка. Смог впихнуть какому-то бедолаге несколько своих картин, на эти деньги открыл лавку и торговал антиквариатом. По большей части, подделками. Третьего дня уехал в Сардину за товаром, лавку оставил на сына.

– Не удивлюсь, если в Сардине его никто не видел, – сказал капитан.

– На роль вора он подходит слабо. Сын говорит, Трошит вечно ходит по знахарям. Соседи подтвердили.

– Какие-нибудь связи с Лхажем?

– Не обнаружил. Впрочем, это не значит, что их нет. Сын вел себя довольно подозрительно, и я считаю, имеет смысл вызвать его на допрос.

– Пошли за ним Певира и пару курсантов. Пусть приведут прямо сейчас, пока он не сбежал.

Через час Родериг втащил в кабинет дрожащего мужчину средних лет.

– Что вам нужно? Куда вы меня? Пустите! – кричал он, пытаясь вырваться.

Капитан попросил всех уйти, а мне велел остаться. Леди Эна, проходя мимо, коснулась моих волос и взъерошила их. Галт со злостью оторвал еще одну пуговицу с куртки и бросил ее в угол.

– Мистер Трошит, вы имели дело с магическими картинами? – приступил к допросу капитан.

– Да, – ответил тот. – Несколько раз.

– Расскажите о каждом случае. В деталях.

Трошит, приободренный, принялся описывать прошлые сделки. Капитан слушал в пол-уха.

– Что вы знаете об аукционе мистера Лхажа? – прервал он Трошита. Тот вздрогнул и с беспомощным видом посмотрел

на меня, словно ища поддержки.

– Мы с отцом копили деньги, чтобы поучаствовать в аукционе, – тихо сказал он. – Пришлось заложить лавку.

– Хотели купить магическую картину?

– Да. «Тихую реку».

– Вам было известно, что за ней охотится несколько коллекционеров, включая короля?

Трошит кивнул.

– На что вы надеялись?

– На богинь! – искренне сказал Трошит, и мне его стало жалко. Меньше всего он напоминал дерзкого вора. – Господин полицейский, эта картина опасна. Мы писали мистеру Лхажу, что ее надо уничтожить, но он не послушал.

– И тогда вы украли ее.

– Мы ничего не крали. Правда! Обыщите дом, я сам покажу вам тайники. Я бы не подошел близко к этой картине за все золото мира! Клянусь, я даже не видел ее.

Капитан сделал несколько ничего не значащих пометок на грифельной доске, перебрал груды свитков, а потом, словно опомнившись, снова обратился к подозреваемому:

– Так чем, говорите, она опасна?

– Картина-то? – Трошит не скрывал своей радости о того, что капитан ему поверил. – Отец считает, она несет смерть.

– Изрыгает огонь?

– Нет. Поедает душу! – прошептал Трошит, округлив глаза.

– Ага, душу. А другие части организма?

– Про то неизвестно.

Капитан отложил свитки и скрестил руки на груди.

– Мистер Трошит, где в данный момент находится ваш отец?

– В Сардине. Я же говорил уже!

– Я даю вам последний шанс сказать правду. Итак, где ваш отец?

Трошит внезапно выпрямил спину, расправил плечи и произнес:

– Он в Сардине. Больше я вам ничего не скажу.

– Хорошо. Тогда вы арестованы по подозрению в краже двух магических картин из галереи мистера Лхажа. Рин, в камеру его!

Трошит был крупнее меня и наверняка сильнее, но безропотно подчинился. Скованный цепями, он опять ссутулился и еле волочил ноги. Я потянулась к нему магией, но не нашла ответного огня. Он был простым человеком, и, похоже, его слова, что он не видел картин Лхажа, чистая правда.

С тяжелым чувством я передала его тюремщику. Трошита посадили в пустующую камеру у выхода, он присел на краешек нар и в отчаянии вцепился в волосы. На его лице была написана мука.

– Диум, выйди на секундочку, – попросила я тюремщика и сделала ему знак, что хочу продолжить допрос. – С меня пиво.

– Дождешься от тебя! – неубедительно буркнул Диум и тут же вышел.

– Мистер Трошит, меня зовут Рин Яффи, я маг и хочу вам помочь.

– Уходите, – сказал Трошит, не поднимая головы.

– Нет. Если ваш отец – маг, мы друг другу не враги. Вы хотели уничтожить картину?

– Да!

– Как вы собирались это сделать?

– Разрезать ее на куски. Если не выйдет, привязать камень и утопить в Ленте. Мистер маг, эта картина погубила десятки человек, если не сотни!

– Где она сейчас?

– В галерее Лхажя.

– Вы хотите сказать, что ее никто не крал?

Трошит замолчал. Его фигура в темной камере напоминала изваяния демонов в крипте главного собора столицы.

Так ничего и не добившись от подозреваемого, я вернулась к капитану, который натягивал куртку, чтобы куда-то отправиться.

– Пойдем перекусим? – предложил он.

Я согласилась, и мы пошли по улице Девственниц в сторону Восточных ворот, обсуждая на ходу сложившееся положение.

– Трошит ведет себя подозрительно, но сам он, скорее всего, картины не крал. Другое дело, его отец. Из Сардины пока

нет известий, и не будет до конца недели.

– Он мог и не уезжать из Узора, а затаиться где-нибудь в подвале, пока пыль не уляжется, – сказала я, стараясь подладиться к размашистому шагу капитана. Тот заметил, что я семеню, и сбавил темп.

– По крайней мере, у Трошита-старшего есть внятный мотив: он уверен, в опасности картины. Будем рыть носом землю, пока его не найдем. Если он вынес картины из галереи, значит, они могут быть уже уничтожены, и тогда мы вряд ли что-то докажем, если не применим пытки.

– Капитан, вы серьезно? Пытки?

– Когда вернемся, я покажу тебе великолепные зубатые клещи, которые мне прислали приятели из полицейского управления Каракатицы. Хвать – и нет мизинчика.

– Капитан!!

– Потуши огонек, мы уже пришли.

С моих ладоней слетело несколько искр, и прохожие в страхе перебежали на другую сторону улицы, рискуя попасть под колеса телег. Капитан открыл дверь кофейни «Поцелуй Теи» и пригласил меня внутрь. Сладкие запахи вскружили мне голову, и я забыла обо всем, что волновало меня секунду назад.

Мы сели за свободный столик, покрытый вышитой скатертью, и капитан подал мне табличку со списком угощений. Кофейня предлагала мыслимые и немыслимые десерты, выпечку, горячие напитки и медовый кру – хмельную настойку

на шишках медвежьей толстянки.

Муки выбора были так тяжелы, что капитан сжалился надо мной и сделал заказ сам.

– Профитроли в зайтонском сиропе, брусничный крем и две кружки палинки.

Когда расторопный мальчишка принес на подносе наш заказ, я не удержалась от восторженного писка. Розовый холм призывно возвышался над креманкой. Профитроли оказались круглыми колобками с начинкой, они плавали в густой карамельного цвета подливе и источали божественный аромат.

– Выбери! – предложил капитан.

Моя рука дернулась к профитролям, но, подумав, я все же взяла крем. Нежный, сливочный и сладкий, он таял во рту. Ничего вкуснее я не ела. Довольный капитан с интересом наблюдал за мной.

– Так что тебе говорил Трошит, когда ты вел его в камеру?

Мне показалось, что я – грешник, который тайком забрался в Хрустальные чертоги, но его засекли и грубо сдернули за хвост в ад. Вкус крема изменился до неузнаваемости. Рот словно набили глиной.

– Мне не удалось узнать ничего нового.

– Рин, неправда. Я вижу, ты что-то знаешь и задумал про-вернуть дело в одиночку. Я тебе не позволю – ни как твой начальник, ни как друг.

– Гусь свинье не товарищ, – заметила я, отставляя кре-

манку.

– Еще какой товарищ! – капитан придвинул креманку обратно. – Речь не о моих нашивках. Речь о возможной опасности и больших деньгах, которые заставляют людей идти на неоправданный риск.

– Хорошо. Если вы позволите мне съесть ваши профитроли, я поделюсь некоторыми соображениями на тему.

Лицо Нотиса расцвело лукавой улыбкой.

– Давай я тебе еще шоколадную устрицу закажу?

– Две! – потребовала я. – Итак, Трошит сказал, что картина галерею не покидала. Допустим, он не лжет. Тогда она надежно укрыта магией, и мы ее не обнаружим. Кстати, в картине вор вряд ли мог спрятаться, иначе бы Галт туда не вошел.

Проглотив вкуснейший профитроль, я продолжила:

– Разумнее выпустить Трошита и следить за ним. И мне подумалось, что мы не ощупали потолок. Там могла находиться скрытая ниша.

– Ты прав. Я упустил из виду эту возможность.

– Главный для меня вопрос пока в другом. Трошит утверждает, что опасна «Тихая река», но пропала еще и вторая картина, а третью вообще не тронули. Почему? Как только пойдем – найдем вора.

– Согласен. Картины, скорее всего, хитроумно спрятаны, и «Тихая река» не уничтожена, иначе бы Трошит не волновался на допросе.

– Аукцион отменяют?

– Конечно, нет. Лхажу надо возмещать потери.

– Мы должны быть там. Я чувствую, что-то произойдет.

Вам, капитан, не стоит светиться. Вы заметная фигура, в городе вас каждая собака знает. Меня – почти никто. Позвольте мне пойти туда одному.

Капитан задумался, и вдруг какой-то шум заставил его обернуться к окну. По улице ехала юная леди в сопровождении груга. Она уверенно сидела в дамском седле и смотрела на восхищенных ее красотой горожан с легкой, благожелательной улыбкой. Амазонка цвета зари была заткана золотом, а сапожки из кожи саламандр стоили, должно быть, целое состояние.

– Леди Марита, – пробормотал капитан, срываясь места. – Жди меня здесь, я сейчас вернусь.

Он мухой вылетел из кофейни и приблизился к всаднице. Увидев его, она остановила лошадь и поморщилась. Хлыстик в ее руках чуть заметно вздрагивал. Капитан с глупейшим выражением лица расточал комплименты. Досада леди Мариты становилась все заметнее.

– Говорят, она святая, – заметил маленький подавальщик, который подошел к нашему столику с двумя шоколадными устрицами на тарелке.

– Святая?

– Людей лечит. Кто к ней прикоснется, с того бородавки отпадут.

Должно быть, капитан ужасно страдал от бородавок: он усердно гладил руку юной леди, пытаясь пробиться к ее святости через перчатку.

– А еще она вылечила мою тетку, – доверительно сказал мальчик. – Та кровью кашляла. Мы думали, уж конец, свезли в госпиталь. А святая леди помогла.

– Как?

– Подошла к кровати, булочку дала. Тетка съела и поправилась. Я теперь за леди молюсь богиням.

– Ты молодец! – похвалила я и сунула ему пять грошей. Мальчик поклонился и, счастливый, побежал прятать сокровище.

Тем временем леди Марита толкнула пятками коня и отъехала от прилипчивого капитана на безопасное расстояние.

– На чем мы остановились? – спросил он, возвращаясь за столик. Я решительно расправлялась со второй устрицей.

– Вы мне не мешаете, а я спасаю ваши нашивки.

– Доверюсь тебе, мой юный друг.

Мы вернулись в управление, и капитан тут же отправился в галерею Лхаж обыскивать потолок. Трошита отпустили, и он, опасливо озираясь, побрел прочь. За ним на безопасном расстоянии шли трое агентов.

Мне не давала покоя мысль, что я что-то упустила из виду. Но что? Перебрав в голове события дня, я не нашла ответа.

Картины так и не обнаружились. Мистер Лхаж осаждал капитана, требуя бросить все силы на прочесывание воров-

ских притонов. Трошит вернулся к своим делам, торговал в лавке и выглядел бодро. Приближался день аукциона.

Утром я пересчитала кроны в мешочке: десять моих и двадцать капитана, остальное чудесным образом испарилось. С такой суммой не разгуляешься. Но у меня был козырь в рукаве: накануне я попросила полицейского казначея выдать мне облигацию без указания суммы. Тот разбушевался, кричал, вызвал Нотиса, и после долгих препирательств я получила нужное.

– Вы портите мальчишку! – бушевал казначей. – Совсем распоясался.

Я показала ему язык и запихала облигацию поглубже в карман.

На аукцион пришлось идти в подшитой повседневной одежде капитана, чтобы не светиться. Меня сопровождал Родериг, в кое-то веки чисто выбритый. Мы затерялись в толпе и сделали вид, что увлечены разговором. Родериг рассказывал истории про кузена Мяжуху, который отличался редким умением попадать в переплет.

В первых рядах, отделенных небольшой перегородкой, сидела городская знать, чуть дальше – купцы, а на галерке теснились газетчики, студенты и прочий люд, заплативший за вход скромную сумму в пятнадцать крон. Нас с Родеригом пустили бесплатно и выдали карточку участника торгов.

Наконец перед почтенной публикой появился мистер Лхаж в сюртуке цвета голубиноного крыла.

– Дамы и господа! Позвольте поприветствовать вас от имени аукционного дома Лхаж, открывающего свои двери лучшим из лучших уже двадцать шестой раз.

Галерка зашлась аплодисментами. Лхаж поклонился.

– Наш первый лот – скульптура «Раб» неизвестного мастера. Серебро, агаты. Начальная цена – тридцать крон.

– Сколько? – возмутился Родериг.

– А ты чего ожидал? Тут на грош ничего не купишь.

– Обдираловка.

– Она самая. И это еще только начало.

С молотка уходил лот за лотом. Перед первым перерывом была выставлена неотравляемая тарелка, с которой ел царь Тритон. Ее купил лорд Сомби за двадцать тысяч золотых.

После этого Лхаж объявил паузу в четверть часа, и аристократам разнесли прохладительные напитки. Публика вывалилась в коридор, устав от духоты. Мы с Родеригом прогуливались, ища глазами подозрительных лиц и слушая разговоры.

Прозвенел колокольчик, и все вернулись на свои места.

– Фигурка «Дух богатства», – возвестил Лхаж, демонстрируя всем старичка на сундуке. – Теплый мрамор, золотое напыление, скань. Начальная цена – сорок крон.

– Ты бы хоть поторговался для вида, – предложил Родериг. – А то сидим тут, как два пня.

Я подняла карточку.

– Сорок крон от мистера Яффи. Кто больше?

Из толпы показалась рука.

– Пятьдесят крон от юноши в черном берете.

Я поднялась на цыпочки и посмотрела на своего соперника. Он едва ли был старше меня. Светлокожий, с огромными голубыми глазами, юноша стоял у выхода на балкон, высоко подняв карточку. Нет, я ему не проиграю.

– Шестьдесят крон от мистера Яффи. Семьдесят от юноши. Восемьдесят... двести тридцать... четыреста...

– Остановись, Колючка! – дернул меня Родериг. – Ты в своем уме? Я пошутил. У тебя и денег-то таких нет.

– Отцепись, не мешай торговаться.

– Я тебя сейчас силой уведу.

– Старичок мой! Четыреста десять крон!

Когда мы перевалили за пятую сотню, глаза юноши наполнились слезами. Он заметно нервничал и переминался на месте, а во мне росли веселая злость и азарт. Когда Лхаж выкрикнул цифру «шестьсот», юноша повернул ко мне свое прелестное лицо и прошептал: «Отступись!» Он был слишком далеко, чтобы до меня долетел звук, но я прочла по губам.

Родериг уже готовился заткнуть мне рот, как вдруг я выиграла торги.

– Шестьсот двадцать раз. Шестьсот двадцать два. Шестьсот двадцать три. Продано мистеру Яффи!

Юноша развернулся и выбежал из зала. Вслед ему неслись смешки. Чувство победы быстро схлынуло, осталась досада

и мысль о том, что я зря корила капитана за мотовство. Только что я потратила больше, чем имела. На эти деньги можно было безбедно жить в Пичуге лет триста, если позволит здоровье. Родериг отступил от меня на несколько шагов, чтобы не заразиться сумасшествием, и поглядывал, отбрасывая ли я тень. Я продолжала наблюдать за толпой. Двое аристократов нудно торговались за эбеновых танцовщиц.

Когда пришла пора магической картины, зал заволновался. Слухи о краже так и не разошлись, и когда Лхаж сказал, что лот будет один, толпа разочарованно заныла. Тем не менее лорды включились в игру, победителем в которой вышел барон Чорим, отец леди Мариты. На мгновение во мне проснулась неуверенность в том, что я делаю. Неужели я ошиблась? Неужели капитан что-то знал и не поделился со мной?

По окончании торгов выигравшие могли забрать свои лоты в сокровищнице. Я прислонилась к стене и наблюдала, как выдаются расписки, как вещи одна за другой покидают комнату, где мы с Нотисом и Галтом совсем недавно сражались в куриный блеф.

– Мистер Яффи, вы весьма расточительны, – с кислой миной сказал мне Лхаж, вручая фигурку старичка.

– О, это точно! – подтвердила я, засовывая покупку в окопанный стальной ящичек и передавая аукционисту облигацию, куда вписала нужную сумму. Казначей меня точно убьет.

Мы с Родеригом вышли на улицу и отправились в управ-

ление. Город уже поглотили сумерки, и мы невольно старались держаться фонарей.

– Я домой! – сказала я. – Не провожай меня, пожалуйста.

– Капитан велел, – не согласился Родериг.

– Тут пять минут ходу. Считай, долг исполнен.

– Ладно, ступай. Небось, не девка, юбки тебе в подворотне не задерут.

– Да уж, – невольно поежилась я и махнула уходящему Родеригу.

И тут же худенькая фигурка отделилась от стены и попыталась опрокинуть меня на мостовую. Я отпрыгнула в сторону и ударила волной воздуха. Юноша, бившийся со мной за старичка, выставил руку и проглотил заклинание. Маг! Меня охватило ликование, и я чуть не пропустила встречный удар. Мой противник оказался сильнее, чем я думала. Мы кружили по безлюдному переулку в смертельно опасном танце. Огонь встречал воздух, камни рвались пробить щиты.

Я потихоньку начинала уставать, юноша тоже чуть дышал. Тогда я подпалила бочки, за которыми он прятался, и пока он возился со щитом, сорвала сушившуюся тряпку и швырнула ему в лицо. Он ослеп, беспомощно заметался, и я ударила его о балку, слегка оглушив. Убедившись, что он жив, я взвалила его себе на плечо и поволокла к дому, напевая пьяную песенку. Со стороны мы выглядели как два студента, перебравшие в таверне.

Капитан, как я и рассчитывала, еще не вернулся. Я спу-

стилась в подвал, заперла дверь, вынула из стены заветный камень и спрятала за ним ключ. Так у меня были некоторые гарантии.

Юноша потихоньку приходил в себя и пытался встать. Я открыла ящик, достала из него старичка и на его глазах поставила к горлу юноши нож.

– Сбросьте личину, или он умрет! – сказала я.

Фигурка подернулась рябью, стала увеличиваться, и передо мной оказался полуголый старик с длинной бородой и обширной лысиной. Он сидел на большом сундуке и смотрел на меня с ненавистью.

– Где картины? – спросила я.

Старик презрительно сплюнул.

– Откройте сундук!

– Папа, не надо, – крикнул юноша, и мне пришлось притиснуть кинжал к его коже, чтобы он почувствовал остроту лезвия и серьезность моих намерений.

Старик с трудом разогнул ноги, встал и вынул из сундука картины. Они были крохотные, не больше ладони величиной.

– Ты это искал? – с презрением спросил старик.

– Да, мистер Трошит. А теперь я предлагаю поговорить, прежде чем вы или ваш младший сын решитесь на отчаянный шаг. Если вы меня убьете, вам не выйти из этой комнаты. Я спрятал ключ особой магией, известной только мне. В ваших интересах поговорить мирно.

– Тогда отпустите Сивора.

Я убрала кинжал, и юноша отполз от меня на безопасное расстояние, выставив щит.

– Не трать силу, сынок, – строго сказал Трошит-старший. – Итак, чего ты хочешь? И кто ты?

– Я полицейский маг Рин Яффи.

– Тогда почему мы в каком-то подземелье, а не за решеткой?

– Потому что я хочу знать правду.

– Правду? И это говорит полицейский? – усмехнулся старик.

– Давайте не будем попусту тратить время, его у нас мало.

Чем опасна «Тихая река»? Зачем вы украли вторую картину?

Старик покосился на сына:

– Дай-ка мне плащ, а то я продрогну до костей.

Сивор послушно протянул отцу одежду, оставшись в рубахе и жилете. Старик передернул плечами и, вздохнув, принялся за рассказ:

– Я много лет занимаюсь магическими картинами, и сам нарисовал их немало. Часть известных работ, проданных за хорошие деньги, принадлежит моей кисти. Но мне не удавалось сделать их глубокими. Мои картины выбрасывали человека после пары минут пребывания и не позволяли сделать больше шести дюжин шагов в каждую из трех сторон. Тогда я стал изучать секретные техники, которыми владели избранные. Есть очень известный труд «Магия картин» про-

фессора Лейпа Блюмберта. Там упоминалась работа под названием «Лесник», ее отличала невероятная точность деталей, огромная глубина и то, что в ней будто бы жил осколок человеческой души. Мне стало любопытно, я начал искать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.